

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИВАВЛЕНІЯ КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 16.

15-го Августа 1874 года.

Содержаніе.—О значеніи вѣшности христіанина.—Юліанъ-отступникъ (окончаніе).—Оригенъ Противъ Цельса.—Отъ совѣта Воронежскаго Епархіальнаго Женскаго училища.—Списокъ вновь принимаемыхъ воспитанницъ.

О ЗНАЧЕНІИ ВѢШНОСТИ ХРИСТІАНИНА

изъ публичныхъ чтеній.

*Отъ зрака познавъ будетъ мужъ,
и срѣтеніемъ лица познавъ будетъ му-
дрый. Одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и
стопы человѣка возвестятъ, и яже о
немъ Сир. 19, 26—28.*

Разбирая эти слова премудраго Сираха, на основаніи ученія того же премудраго, мы пришли къ той истинной мысли, что существенныхъ потребностей для земной жизни человѣка три: пища и питіе, одѣяніе и жилище, и уразумѣли каково должно быть жилище человѣка, чтобъ оно сообразно было съ существенными требованіями его природы и съ духомъ ученія хри-

стіанскаго, и потому всегда и вездѣ было бы прилично и безужоризвенно для чловѣка—хрістіанина. Теперь размыслимъ, какую пищу и какое питіе и какъ свойственно употреблять чловѣку, чтобъ не отступать ему отъ существенныхъ требованій природы своей и отъ положительныхъ правилъ, совѣтовъ и наставленій откровеннаго ученія Божія.

Премудрый Сирахъ предлагаетъ только хлѣбъ и воду: *начало житія чловѣка, сказалъ онъ, вода и хлѣбъ, и риза, и домъ, покрывающій ступь.* Сир. 29, 24. Скучное, скажете, питаніе—одинъ хлѣбъ съ водою? Дѣйствительно, не богатое въ наше время, когда и изъ трехъ блюдъ состоящей обѣды считается самымъ скромнымъ обѣдомъ; а при нарочитыхъ угощеніяхъ и пять блюдъ считаются не роскошно—богатымъ угощеніемъ. Господь Богъ щедрѣе былъ для Адама и Евы, когда позволилъ имъ вкушать отъ всѣхъ плодовъ, произраставшихъ въ раю, кромѣ только плодовъ отъ древа познанія добра и зла; а въ раю, безъ сомнѣнія, было большое изобиліе всякаго рода питательныхъ плодовъ и растеній; да кромѣ того тамъ было еще и плодovitое древо жизни. А послѣ потопа Богъ благословилъ людямъ употреблять въ пищу и животныхъ. 1 Кор. 10, 27. И Апостолъ Павелъ позволялъ хрістіанамъ вѣст за чужимъ столомъ все предлагаемое, а не одинъ только хлѣбъ съ водою. Какъ же разумѣть намъ слова премудраго, когда онъ предлагаетъ только хлѣбъ съ водою и больше ничего? Въ двойномъ смыслѣ должно разумѣть эти слова его, и оба смысла будутъ непреложно истинны.

Во первыхъ: Какъ онъ разсуждаетъ о самыхъ коренныхъ, существенно необходимыхъ потребностяхъ для нашей тѣлесной природы, то и буквально понимаемая слова его заключаютъ въ себѣ непреложную истину на всѣ времена, для всѣхъ странъ и народовъ, т. е. ту истину, что, питаясь однимъ хлѣбомъ съ водою, чловѣкъ всегда можетъ быть сытъ, здоровъ и крѣпокъ тѣломъ и бодръ духомъ, и слѣдовательно способенъ на всякую дѣятельность тѣлесную и духовную. Истина эта тысячекратно уже подтвердилось вѣковыми примѣрами. Мало ли было подвижниковъ хрістіанскихъ, которые не каждый даже день вкушали и одинъ хлѣбъ съ водою, а чрезъ день, чрезъ два, а нѣкоторые чрезъ нѣсколько дней, и между тѣмъ проживали до глубокой старости. А о Маріи Египетской извѣстно, что она, когда благодать Божія привела ее къ рѣшительному раскаянію въ своей распутной жизни, удаляясь въ пустыню, взяла съ собою только три не большихъ хлѣбца и нѣсколько зеренъ ка-

нихъ то, но и этотъ небольшой запасъ неиздержанъ былъ ею въ теченіе сорокалѣтней пустынной ея жизни. Но это, скажутъ, особенное уже дѣйствіе благодати Божіей? Совершенно справедливо. Но и на каждаго православнаго христіанина излилась благодать Божія при крещеніи и при другихъ Таинствахъ Церкви, потому и каждый православный христіанинъ не о одномъ хлѣбѣ живъ будетъ, не и овсякѣмъ плотою, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, какъ Самъ Спаситель сказалъ. Попробуйте, кому угодно, повѣрить истинность этихъ словъ Божественныхъ, и вы непременно увѣритесь на самихъ себѣ, что и на каждомъ православномъ христіанинѣ можетъ сбываться тоже, что сбывалось на Святыхъ Божіихъ челоуѣцѣхъ и на слабыхъ женщинахъ. Только повѣрка эта должна состоять не въ дерзкой пытливости и суетномъ любопытствѣ, а въ твердой и несомнѣнной вѣрѣ во вседѣйствующую силу благодати Божіей и въ святости жизни христіанской по душѣ и тѣлу.

Второй смыслъ словъ премудраго Сираха есть тотъ, что мы всегда должны соблюдать строгую умѣренность въ пищѣ и пиити. Это подтверждается многими мѣстами ея же священно-библейской книги. Такъ на р. объ умѣренности въ пищу онъ говоритъ: *Коль довольно челоуѣку наказанному (т. е. обученному, вставленному) малое, и на одръ своемъ не постраждетъ зла. Сонъ здравый оазъ чрева умѣренна: востъа за утра, и душа его съ нимъ.* Сир. 31, 21—24. *Трудъ бѣднѣя и холера и чревоболнѣе съ мужемъ ненасытлымъ. Не пресыщайся во всякой сладости, и не разливайся на различіе брашна. Ибо во многыхъ брашнахъ недугъ будетъ, и пресыщеніа приблизитъ даже до холеры:* Сир. 37, 32—34. *пресыщеніе бо мнози умроща, онимаи же приложитъ житіе.* А о питіи говорить: *Дилатель пѣнчавый не будетъ богатъ, и уничижавый малая на малъ учадеитъ. Вино и жены превратятъ разумивыхъ.* Сир. 19, 1—2. Прем. Соломонъ говоритъ: *Кому горе? Кому мольва? Кому судице? Кому горсти и свирь? Кому сокрушенія вотице? Кому сини очи? Не пребывающимъ ли въ винѣ? И не назирающимъ ли, гдѣ пирове бѣають? Аще на чашы и склянныи вдали очи твои, последи и мочи ходити нажайшій бѣлмльнаго срева (на котомъ т. е. кора ободрава).* Прем. Солом. 23, 24—32. Не то ли все заповѣдалъ намъ въ крагкихъ словахъ и почивающі здѣсь Святитель Митрофанъ, когда сказалъ въ предсмертномъ завѣщаніи своемъ: храни мѣрно: ты богатъ будеши. Воздержнпій, мало яждь: здравъ будеши?

На чтоже, скажутъ, Господь разлигъ на земномъ шарѣ такое изобиліе всякаго рода благъ и предметовъ увеселенія и

услажденія, если намъ не наслаждаться ими по своему вкусу, по своему желанію и умѣнью? На что полагать преграды постоянно движущемуся въ насъ желанію наслаждаться всѣми силами души и тѣла, когда природа наша такъ удобопріемлема и удобопреклонна ко всему, такъ удобоснослива на все?

На то Господь приумножилъ блага на земномъ шарѣ, что Онъ любить любящихъ Его и исполняющихъ Святуя волю Его, и потому всегда готовъ съ отеческою любовію облагодворять, веселить и радовать ихъ и въ сей жизни, уготовляя имъ въ то же время вѣнцы славы и блаженства въ жизни будущей. Но только любящихъ Его и благочестно живущихъ; къ таковымъ Онъ столь милостивъ и щедродателемъ, что облагодворяя ихъ всѣмъ нужнымъ и полезнымъ и радуя ихъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, хочетъ притомъ вовсе и навсегда оградить ихъ отъ тѣхъ горечей и крушеній духа, какія неразлучны бывають съ напряженными усиліями снискать необходимое для жизни довольной и обильной скоропреходящими удовольствіями. *Не печитесь, говоритъ имъ, душою вашею, что ясте, или что ѣдете: и тѣломъ вашимъ, во что облечетеся. Ищите только царствія Божія и правды его, а сія вся приложатся вамъ, безъ вашихъ заботъ и попеченій. Вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуетъ сизъ всехъ.* Мат. 6, 25—34 Вѣсть Отецъ нашъ небесный и то, что если мы будемъ руководиться своимъ только вкусомъ, своими самоизмышленными или по легковѣрію усвоенными взглядами на вещи, своими только желаніями, неосвѣщаемыми свѣтомъ ученія Евангельскаго, то скоро удалимся не только отъ союза съ Богомъ, но и отъ собственной природы своей. Ибо вкусъ у многихъ, взгляды на вещи и понятія объ отношеніяхъ къ нимъ начинаютъ портиться и принимать превратное направленіе отъ самаго дѣтства; потому и желанія ихъ бывають сообразны съ испорченнымъ ихъ вкусомъ и превратными ихъ понятіями и взглядами на вещи и на свои отношенія къ нимъ. Уклоняющіеся же отъ союза съ Богомъ и своей истинной природы и исполняющіе только свою чувственную волю сколь ни изобрѣтательны бывають на чувственныя забавы и увеселенія, пріятности и удобства жизни, никогда не вкушаютъ такихъ свѣтлыхъ и невозмутимыхъ удовольствій и радостей, какими наслаждаются живущіе благочестно — по — христіански. Многіе сознаются въ душѣ своей, что среди самыхъ шумныхъ увеселеній мірскихъ, среди самыхъ роскошныхъ пиршествъ, не рѣдко овладѣваетъ ими для нихъ самихъ непонятная грусть и недовольство самими собой, всѣми окружающими ихъ и всѣмъ происходящимъ предъ ними, такъ что, если не словами, то мы-

слію и чувствомъ, готовы бывають воскликнуть съ поэтомъ въ гнетущей ихъ тѣснотѣ сердца: *Не разг между васъ на веселомъ пиру призадумывался*. Не такъ веселятся истинно благочестивые. Радость, растворяемая въ нихъ благодатною любовью, восхищаетъ ихъ до того, что они и въ скорбехъ и въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ и ранахъ, и въ темницахъ и въ пощенихъ восклицаютъ, радуящися, ко всѣмъ братіямъ о Христвъ: *уста наша отверзашася ко вамъ, сердце наше распространися. Не тѣснотмѣщаетеся въ насъ.* 2 Кор. 6, 4—12.

Касательно того, что природа наша *удобосносна на все* и удобопреклонна ко всему и потому, какъ говорятъ, не слѣдовало бы ограничивать стремленій нашихъ къ наслажденію всѣми благами земными, скажемъ, что эта способность наша не много принесла намъ пользы, а бѣдствій безчисленное множество всему роду человѣческому. Правда, что человекъ способенъ привыкать ко всему и сродняться даже съ тѣмъ, что въ сущности не свойственно и не благотворно его тѣлесной природѣ. Онъ способенъ привыкать, ко всѣмъ климатамъ на земномъ шарѣ, ко всякой температурѣ тепла и холода, къ сухости и сырости, жить и на различныхъ возвышенностяхъ надъ землею и на различныхъ глубинахъ въ землѣ, — способенъ употреблять въ пищу и питіе и такія вещества, которыя болѣе разстроиваютъ, нежели укрѣпляютъ тѣлесный его организмъ, — способенъ привыкнуть употреблять пищу и питіе и въ самомъ маломъ количествѣ и въ самыхъ большихъ размѣрахъ, такъ что желудокъ его чѣмъ болѣе наполняется и удовлетворяется, тѣмъ болѣе расширяется и тѣмъ болѣе изъясляетъ требованій на его удовлетвореніе; и на оборотъ чѣмъ менѣе напITYВаютъ его, тѣмъ болѣе онъ суживается и дѣлается способнымъ удовлетворяться самымъ малымъ количествомъ пищи и питія. Приученный къ излишествамъ, онъ не довольствуется уже мѣстными произведеніями страны и въ такомъ видѣ, какъ природа что производить, но требуетъ снѣдей и питій изъ далекихъ странъ или искусственной передѣлки мѣстныхъ произведеній для раздраженія прихотливаго вкуса своего. Чтоже происходитъ отсюда? Происходитъ то, что человечество болѣе проигрываетъ, нежели выигрываетъ. Выигрываетъ торговля, промышленность и искусство, но дорого платятся за эти выгоды немногихъ всѣ организмы человѣческіе. Отсюда то выражаются цѣлыя полчища болѣзней всякаго рода, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивающихся и видоизмѣняющихся на худшее въ своихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ на тѣлесные организмы и на самыя силы духа человѣческаго. Всякій медикъ скажетъ утвердительно, что главный сточ

лукъ болѣзней въ родѣ человѣчестомъ есть пресыщеніе желудка, и всякій правоучитель, основывающійся на словѣ Божіемъ и на вѣковыхъ опытахъ, скажетъ также по сущей правдѣ, что пресыщеніе желудка есть одинъ изъ главныхъ источниковъ охлажденія къ религіи и развращенія нравовъ. У кого *болю пресо*, по словамъ Апостола *тошъ уты, штолсть, разширь, розсиритат, и забы Бога сотворшаго его*. Такъ бывало всегда, такъ и теперь бываетъ.

Третья существенная потребность для земной жизни человека есть, какъ мы сказали въ началѣ, одѣяніе. Чтоже скажемъ о сей потребности? Можно ли и въ одѣяніи такъ же, какъ въ пищѣ и питіи и въ жилищѣ, грѣшить предъ Богомъ и выходить изъ предѣловъ смиренія, какъ истиннаго приличія и истиннаго достоинства для человека—христіанина? Чтобы рѣшить и этотъ вопросъ безпристрастно и по возможности удовлетвори-тельно, обратимъ также вниманіе на то, для чего намъ нужно одѣяніе по требованію нашей природы и вѣтъ ли указанія въ словѣ Божіемъ на то, какъ намъ должно одѣваться, чтобъ не отступать отъ смиренія, какъ главной основы приличія и благоустройства христіанскаго.

Одѣяніе нужно намъ для прикрытія наготы и для защиты отъ вредно вліяющихъ на тѣло наше пережвѣвъ воздушныхъ. Какъ въ различныхъ странахъ климатъ не одинаковъ, то одежда не можетъ быть одинакова для жителей всѣхъ странъ земнаго шара. Въ странахъ теплѣйшихъ она должна быть легче и просторнѣе, а въ странахъ холодныхъ и суровыхъ должна быть теплѣе и плотнѣе, и прикрывать всѣ члены тѣла. Это условіе коренныя на природѣ нашей основанная; ихъ требуетъ прирожденное намъ чувство самосохраненія. — Какъ одежда нужна всякоу, во всякое время и во всѣхъ положеніяхъ и состояніяхъ человека; то матеріалы на одежду должны быть употребляемы такіе, которые находят-ся въ своей дѣлѣ каждой странѣ. Это условіе благоразумной экономіи, которой главное правило состоитъ въ томъ, чтобы всякая цѣль достигалась сколько можно съ меньшими издержками, съ меньшими заботами и усиліями, чтобы достиженіе одной цѣли не поглощало всѣхъ средствъ, всѣхъ заботъ и усилій, нужныхъ для достиженія другихъ цѣлей, столько же, а иногда и болѣе важныхъ и существенныхъ. — Изъ этихъ условій само собою вытекаетъ полное, весьма важное условіе, требуемое также благоразумною экономіей, именно: чтобъ матеріалы, употребляемые на одежду, были сколько можно прочны, чтобъ не очень часто требовались новыя средства и заботы на возобнов-

ление одежды, и таким образом была бы возможность больше и больше усиливать свой достатокъ средствъ къ существованію, благоденствію и спокойствію своему, какъ необходимымъ условіемъ успѣшно достигать другихъ важнѣйшихъ цѣлей жизни. — Покрой одежды долженъ быть таковъ, чтобъ одежда не препятствовала свободнымъ движеніямъ и дѣйствіямъ человека, и вмѣстѣ съ тѣмъ не отымала бы природнаго достоинства и изящества тѣла человека, и не было бы суетной попытки увеличивать это достоинство и изящество, что было бы противно смиренію христіанскому. Вотъ всѣ условія правильнаго, ничему не противорѣчающаго употребленія одежды.

Оправдываетъ ли опытъ всѣ эти условія? По правдѣ сказать, ни одно изъ этихъ условій не оправдывается въ наше время у большей части народонаселенія. Первое, что обращаетъ на себя невольное вниманіе каждаго, это единообразіе въ формѣ одѣянія, такъ что незнакомый съ тайнами туалета нашего времени подумать бы, что есть на это строгое распоряженіе Верховной власти. Будь собраніе во сто и больше особъ, въ особенности женскаго пола, у всѣхъ платья волочутся по землѣ чуть не на аршинъ, у всѣхъ головы какъ бы стогомъ возвышаются, у всѣхъ поприцѣвлены къ платьямъ, спереди и сзади биски, пальце, всѣ опоясаны, безъ всякой надобности шарфами, на мушкетерахъ увидите такое же единообразіе убора съ ногъ до головы, разницу можно видѣть только въ большемъ или меньшемъ богатствѣ матеріаловъ наряда. Объѣзжайте всѣ страны земнаго шара, пріѣхавшій цивилизаціей, и вездѣ увидите то же, и въ большихъ и малыхъ городахъ, и въ самыхъ даже глухихъ селеніяхъ. Что это за чудное явленіе? Ужели настало время всеобщаго соглашенія вкусовъ? Ни чуть не бывало. Здѣсь могущественно дѣйствуетъ всеобщая властительница — мода. Она то заставляетъ людей забывать различіе климатовъ, и выгоды благоразумной экономіи, не рѣдко даже принуждаетъ многихъ жертвовать и добрымъ именемъ своимъ, и честію и справедливостію. Чтожъ такъ въ модѣ, что она такъ дерзко спотыкается и управляетъ всѣми? На чемъ основывается ея власть и сила?

Мода, по видимому, имѣетъ задачей своею возможно больше придавать изящества человеческому тѣлу. Но не въ этомъ вся сила ея и могущество; ибо вѣвѣстно, что въ ней не всегда проявляется изящество, напротивъ, въ затѣяхъ своихъ она доходитъ иногда до безобразія. Дееспотическая власть ея основывается главнымъ образомъ на людской подражательности, людъ

скомъ самолюбіи и тщеславіи, да еще весьма много на томъ, что поклонники ея усердно услуживаютъ ей тѣмъ, что неподчиняющихся ея власти осмѣиваютъ и презираютъ; а это сильно устрашаетъ малодушныхъ, и они все мѣры употребляютъ, ко всякимъ прибѣгаютъ средствамъ, чтобъ не отстать отъ другихъ въ нарядахъ и не быть въ презрѣніи въ модномъ свѣтѣ. А отсюда сколько невзгодъ, сколько грѣховъ выражается въ родѣ человѣческомъ!

Первое зло, происходящее отъ моды, есть разстройство въ домахъ экономическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное. Для моды не щадятъ ничего и не дорожатъ ни чѣмъ. Если нѣтъ наличныхъ средствъ, входятъ въ долги; не успѣютъ выплатить прежнихъ долговъ, какъ мода измѣняется и требуетъ новыхъ жертвъ, новыхъ заботъ и новыхъ долговъ. Нѣтъ кредита — прибѣгаютъ и къ такимъ средствамъ, которыхъ не можетъ одобрить ни нравственность, ни долгъ гражданина и члена семейства. Скажутъ: никто не обязываетъ держаться моды, если не позволяютъ средства? Такъ бы слѣдовало быть, еслибъ отнять у людей слѣбую подражательность, самолюбивое желаніе не унижать своей личности, отставая отъ другихъ, а иногда и справедливое опасеніе — съ потерей добраго мнѣнія у людей вліятельныхъ и стяжаніемъ имени чудака — потерять и свои выгоды и свое значеніе въ разныхъ сношеніяхъ съ людьми. А какъ мода простираетъ свою власть и свое вліяніе не на одно одѣяніе, но и на весь образъ жизни, и на содержаніе и украшеніе дома, и на экипажи, и на прислугу, и на столъ, и на условія поддерживать свой вѣсъ и значеніе въ такомъ или въ другомъ кругу общества; то и богатые люди, строго держась требованій моды, расточаютъ иногда все свое состояніе, не сдѣлавъ изъ своего богатства ничего добраго и полезнаго ни себѣ, ни другимъ.

Другое зло отъ моды есть то, что въ нихъ не соблюдаются условія климатическія, и такимъ образомъ нерѣдко наносится ими страшный вредъ здоровью. Благоразумно ли въ странахъ сѣверныхъ подражать тому, какъ одѣваются въ Парижъ? Въ странахъ, гдѣ морозъ бываетъ иногда сверхъ тридцати градусовъ, необходимо одежду имѣть по пятки, чтобъ не нажить въ ногахъ ревматизма, а голову закрывать и съ ушами; а парижская картинка велитъ верхнее одѣяніе имѣть чуть за колѣна, а на голову предлагаетъ такую шляпку, которая чуть держится на макушкѣ и нисколько не служитъ къ защитѣ головы ни отъ холода, ни отъ зноя. И куда это дѣвается на этотъ разъ

народная гордость, въ грубыхъ случаяхъ столь щекотливая? Ужели каждый народъ не имѣеть столько талантовъ, чтобъ самому изобрѣсть для себя одѣяніе, годное и удобное и по климату и по другимъ условіямъ страны, но безропотно и съ какою то лихорадочною жадностію бросается на то, что выдуманно въ Парижѣ? Надивиться нельзя этому явленію. Какъ будто закодванъ весь образованный міръ, и въ усыпленіи своемъ говорить: дѣлай съ нами Парижъ, что хочешь, хоть украшай, хоть безобразь насъ, даемъ тебѣ полную волю и власть надъ нами!!

А хуже всего то, что мода имѣеть дурное вліяніе на нравственное состояніе пристрастныхъ къ ней: пріучаетъ ихъ къ непостоянству и разсѣянности, будучи сама жестока и скороизмѣняющаяся; развиваетъ самолюбіе, тщеславіе и желаніе превозноситься предъ другими, а скромность и смиреніе христіанское дѣлаеть неприятыми и смѣшными. Потому то слово Божіе строго относится къ любителямъ и любительницамъ ея. Такъ чрезъ пророка Ісаію Господь угрожалъ Израильтянкамъ за ихъ пристрастіе къ излишней нарядности въ одеждѣ: „Зато, что дочери сіонскія превозносятся дорогими уборами своими и высоко поднимають выи свои, и принимаютъ чванную походку, и гордо глазами поводятъ, и длинныя шлейфы волокутъ по землѣ, смиритъ Господь ихъ гордость и тщеславіе, отниметь Господь нарядныя ваши сѣтки, и солнечки и луночки, и скляночки съ духами, серги и ожерелья, в покрывала, головныя повязки и ножныя цѣпочки, и пояса, и амулеты и перстни и кольца, праздничныя одежды, тунки, манто и саки, прозрачныя платья и тонкія сорочки, и тюрбаты и мантии. И будетъ, вмѣсто аромата зловонное испареніе, вмѣсто пояса веревка, вмѣсто завитыхъ пуклей лысина, вмѣсто широкой одежды узкое рубище, клеймо ссылки вмѣсто красоты.“ Ісаіи 3, 16—24. Апостоль Петръ, зная такое неблаговоленіе Господа Бога къ суетной заботливости объ украшеніи одеждою, потечески советуетъ христіанкамъ: дабудетъ украшеніемъ вашимъ не «вышнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы, или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человекъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, — что драгоцѣнно предъ Богомъ.» 1 Петр. 3, 3—5. А премудрый Соломонъ какъ бы дополняетъ мысль Апостола, говоря: Притч. 10, 22. *якоже усерязъ златый въ поздрыхъ свиніи, тако женъ злоумный тьмота. Мудрыя жены создаша домы: — 14, 1. безумъ ая же раскопа рукама своими, тратя, разумѣется, безразсчетно достояніе на дорогіе, модныя наряды. А премудрый Сирахъ всемъ подаеть*

благотворительности, и милостивым и женственным, говорит: Сир. 11, 4. *вса добляши призрачною не похвалится, и аз деи славы не превозносися.* свободу и сондоу зиняго добро ведатъ добри умови.

Священникъ *Прокотий Коронцевъ*.

ЮЛІАНЪ—ОТСТУПНИКЪ

домашъ (изъ урковъ кс Церковной исторіи). Имѣн

(Окончаніе).

Историкъ, современникъ Юліана и историкъ 5-го и 6-го вѣковъ считали Юліана за ничто, за сумасброза; по выраженію одного изъ нихъ, это былъ nihil, пустой мечтатель не больше. Это мнѣніе историковъ, если взглянуть на личность Юліана съ болѣе или менѣе безпристрастной точки зрѣнія, не есть авторитетъ. Изъ nihil не бываетъ и не могло быть ничто, говорить древнія вѣковая пословица. Правда, Юліанъ былъ идоломъ своего рола, но идеальность эту онъ былъ не тотъ пустой мечтатель, который строитъ воздушныя замки, который на выраженіе въ которыхъ, живеть мнимыми пузырями; не былъ это Геростратъ, который сжегъ въ Ефесѣ храмъ Дианы, чтобы хоть чѣмъ-нибудь узкою вѣнчикъ одесн имѣть въ исторіи. Если мы припомнимъ дѣтство, воспитаніе, обстоятельства самаго воспитанія, ту среду, въ которой воспитывался Юліанъ, если возьмемъ во вниманіе его характеръ, какъ послѣдствіе его воспитанія, наконецъ религіозно нравственную жизнь современнаго ему христіанства, именно придворнаго кружка, если обратимъ вниманіе на впечатлѣніе, какое отразилось на впечатлительной натурѣ въ первое знакомство съ этой жизнью, то личность Юліана не такъ ничтожна, какъ кажется въ котормъ, какъ казалось историкамъ 5-го и 6-го вѣковъ. Это былъ не пустой безосновательный мечтатель—фантасеръ, это личность, созданная какъ быщаюю и современною жизнью, жертва безсмысленнаго воспитанія и личность, оцѣнившая почему-то лучше язычество, чѣмъ христіанство;—по формѣмъ позднѣйшихъ историковъ это человекъ *своего времени*, задавшійся мыслью осмыслить язычество съ него вѣковой повзвѣи примирить религію съ философій. Правда трудъ непосидимый, но все же не безсмысленный трудъ, не сумасшедствіе. Чтобы христіанство восторжествовало на вѣки надъ язычествомъ, и чтобы древняя греческая философія преклонила голову предъ новѣтомъ и христіанскимъ отидей—необходимо, нужно было повидѣть личности Юліана,—говорить одна изъ позднѣйшихъ

на христіанство, какіе имѣлись у ней, могла воспитать у своего домашняго очага такую, грозную для христіанства, — личность, какъ Юліанъ, — личность, которая достигнувъ императорской короны и власти, въ то время, когда христіанская религія давно уже объявлена была въ имперіи господствующею когда язычество, если еще существовало, то существовало, можно сказать, въ тайникахъ только глухихъ селеній и въ трущобахъ гордаго Рима, смѣло вышла снова на борьбу съ христіанствомъ, снова захотѣла язычество, такъ сказ. износившееся, отжившее свой вѣкъ, возвести въ религію господствующую и посредствомъ хитрой политики уничтожить въ имперіи всѣ другія и тѣмъ болѣе христіанство?!... Удивленія достойно все это; но однакожь, къ сожалѣнію, было такъ. На тронѣ Константина Великаго, ревностнаго учителя и защитника христіанства, былъ Юліанъ, его родной племянникъ, порицатель христіанства и ревностный язычникъ. Въмѣсто прежняго мира и спокойствія, которые предоставилъ Церкви К. Великій послѣ столькихъ гоненій на христіанъ, царствованіе Юліана кромѣ поддержки аріанства ознаменовалось бурей всякихъ мятежей и несогласій въ средѣ христіанъ, а подь конецъ въ средѣ самыхъ язычниковъ. Что же за личность былъ Юліанъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, постараемся, на сколько это будетъ возможно, прослѣдить съ читателемъ болѣе или менѣе подробно біографію императора Юліана. Первое, на чемъ останавливаемъ свое вниманіе, это воспитаніе Юліана. Наше воспитаніе, говоритъ педагогика и диактика, и та среда, въ которой воспитывается дитя, даетъ ему т. е. дитяти, для будущей его дѣятельности еще съ классной скамьи то или другое направленіе, даетъ *теорію*, по которой оно въ жизни *практикуетъ* свою дѣятельность. Нельзя не замѣтить, какъ такой выводъ педагогики наглядно оправдывается въ біографіи Юліана. Если мы, повторяю, обратимся къ его дѣтству и прослѣдимъ весь ходъ того воспитанія, которое дано было *дитяти* — Юліану, обратимъ вниманіе на тѣ условія, обстоятельства и среду, которыми обуславливалось это воспитаніе, то мало того что будемъ въ возможности, болѣе или менѣе правильно понять Юліана, отвѣтивъ на вопросъ: *что за личность былъ Юліанъ?*; въ этомъ воспитаніи дитяти Юліана мы найдемъ еще какъ объясненіе оправданіе въ его «отступничества» какъ для личности его, такъ и для той семьи, которая возрастила его...

Исторія заноситъ на свои страницы личность Юліана — Отступника съ 7-ми лѣтняго его возраста. Обстоятельства дѣтства Юліана рассказываются такъ: гордый, честолюбивый, пылкій до

крайности и въ высшей степени подозрительный *Констанцій*, сынъ *Константина Великаго*, опасаясь соперничества въ притязаніяхъ на престолъ со стороны родственниковъ, къ тому же польщенный единодушнымъ желаніемъ народа — видѣть на императорскомъ престолѣ роднаго сына *Великаго*, въ пылу разгоряченнаго тщеславія, убилъ *Юлія Констанція*, брата своего отца, и шестерыхъ сыновей его. Но какимъ то счастливымъ случаемъ спаслись отъ смерти двое младшихъ сыновей: *Галлъ*, слабый шедушный мальчикъ и семилѣтній *Юліанъ*. Подозрительный *Констанцій*, когда убійство *Юлія* было уже совершено и маія гнѣва укротилась въ душѣ тщеславнаго убійцы, обоихъ сиротъ мальчиковъ ссылаетъ въ *Каппадокію* подъ надзоръ епископа *Евсевія*. Здѣсь, вдали отъ двора, въ тиши монастырскихъ стѣнъ, мальчики, подъ надзоромъ такого довѣреннаго лица, каковъ былъ епископъ, по планамъ *Констанція*, должны были забыть *Константинополь* и дворъ, и, приготовляя себя къ духовному званію, похоронить на всегда мечты о тронѣ. Но такіе люди съ такимъ подозрительнымъ характеромъ, каковъ былъ у *Констанція*, въ своихъ поступкахъ очень часто, даже чаще прочихъ смертныхъ, не смотря на ихъ подозрительность ко всему, — бываютъ не безъошибочны. Подозрительный до крайности *Констанцій* подчасъ слишкомъ былъ довѣрчивъ къ такимъ людямъ, которыхъ считалъ своими *довѣренными* и увѣрялъ себя и другихъ что онъ знаетъ этихъ *«своихъ»*, какъ себя, которыхъ однако, въ существѣ дѣла, не знаетъ. Епископъ *Евсеній*, стражъ царственныхъ ссыльныхъ, подъ маской православнобврующаго былъ ревностный аріанинъ, мечтавшій еще о возстановленіи ученія *Арія*, хотя тотъ и съ его ученіемъ да въ уже были преданы *«анаѳемѣ»*; онъ въ лицѣ этихъ двухъ мальчиковъ, повѣренныхъ его воспитанію нашелъ такъ сказать завязку для достиженія своихъ желанныхъ цѣлей. Съ перваго взгляда хитрый епископъ выбралъ о него изъ двухъ мальчиковъ въ именно *Юліана*, и, быть можетъ, въ душѣ, съ этого перваго взгляда, на семилѣтняго скромнаго ребенка, пророчилъ ему тронъ и, корону... Началось воспитаніе, если только воспитаніе *Юліана* въ стѣнахъ монастыря, гдѣ смотрѣли на ребенка вся братія глазами епископа, можно назвать воспитаніемъ. Скорѣе это воспитаніе, какъ давнишее большой просторъ личному производу ребенка, можно назвать *самовоспитаніемъ*. Такъ не многосложно и вмѣстѣ такъ важно было это воспитаніе!

Семилѣтній Юліанъ, отъ природы ребенокъ съ впечатлительной натурой, по планамъ Епископа въ стѣнахъ монастыря росъ на свободѣ, согласно съ педагогическими своего рода взглядами *Евсевія*; не большая инструкция *Евсевія* стѣсняла только отчасти эту

свободу, — ребенокъ долженъ былъ неопустительно ходить въ церковь на молитву и заниматься чтеніемъ книгъ св. Писанія въ опредѣленный урочный часъ.

Изъ шумной столицы К. Великаго, отъ царскаго двора, судьба забрасываетъ Юліана въ отдаленный глухой монастырь Каппадокіи. Нельзя допустить, чтобы семилѣтній ребенокъ непонималъ, вслѣдствіе чего вдругъ лишили его родной семьи, завезли Богъ вѣсть куда, или покрайней мѣрѣ нельзя допустить, чтобы безсознательно и потому хладнокровно отнесся онъ къ этой рѣзкой переměнѣ жизни, хотя бы и не въ состояніи былъ, какъ ребенокъ, понять причины этой переměны. Какъ бы то ни было, но годы дѣтства, а вмѣстѣ съ ними и все прожитое тогда, на всегда памятны душѣ: первые минуты дѣтства Юліана были отравлены извѣстіемъ о смерти отца и братьевъ, если допустить, что даже онъ не былъ свидѣтелемъ этой насильственной смерти. Не успѣло пройти тяжелое впечатлѣніе одиночества ребенка, вскорѣ послѣ убійства отца и братьевъ, какъ снова другое: подозрительность Констанція забрасываетъ его въ глухія стѣны Каппадокійскаго монастыря. Неудивительно послѣ этого, что въ ребенкѣ положено было основаніе тихому, затаенно — несобщительному характеру; (такъ какъ исторія не указываетъ намъ ни одной личности, которая сочувственно отнеслась бы къ двумъ ссыльнымъ сиротамъ; не съ кѣмъ было подѣлиться ребенку своимъ горемъ, — немудрено, если характеръ его день ото дня становился замкнутое и самоуглубленное), а воспоминанье о насильственной смерти отца и братьевъ примѣшивало жажду мести за убитыхъ близкихъ сердцу, укореняло, такъ сказать, въ этомъ характерѣ ребенка хитрую злобу и ненависть ко всему, тѣмъ болѣе къ Констанцію.

Юліанъ, въ сообществѣ съ хилымъ *Галломъ*, ведетъ самую уединенную и однообразную жизнь въ стѣнахъ Каппадокійскаго монастыря. Научное воспитаніе, хотя имѣвшее цѣль — воспитать въ немъ представителя религіи, лицо духовное, ограничивается почему-то однимъ безтолковымъ чтеніемъ книгъ св. Писанія, безъ поясненій прочитаннаго. Конечно это странно, если бы мы не знали, что Евсевій готовилъ изъ Юліана не лицо духовное, а будущаго императора, на котораго полагалъ всю надежду, когда нибудь возстановить аріанство. Это скучное и беззанимательное чтеніе еще болѣе вело къ грусти и скукѣ, еще болѣе увеличивало дѣтскую меланхолію: машинально бралъ онъ книгу въ урочный часъ, и, удалившись въ уединенное мѣсто, читалъ и перечитывалъ быть можетъ, но нѣсколько разъ священныя страницы; — но на этихъ страницахъ святыхъ людей не находилъ онъ того спокойствія душѣ и сердцу, котораго жаждалъ онъ въ минуты тяжелыхъ

дѣтскихъ думъ; онъ не въ состоянн былъ проникнуть въ глубокий смыслъ священныхъ строкъ—и невольно тяготился этимъ чтеніемъ. Вотъ онъ остановился на извѣстномъ мѣстѣ, которое завлекло его дѣтское вниманіе; любознательность и пытливость ребенка жаждала отвѣта на вопросъ, онъ какъ бы на время забывалъ свое положеніе;—«къ кому-бы обратиться?»—думалъ ребенокъ—«за совѣтомъ, за разрѣшеніемъ вопроса;»—но, озирая кругомъ, дитя не находило отвѣта; всѣ люди, которые его окружали, были такъ строги, такъ серьезны;—одно одѣяніе монаховъ усиливало тоску ребенка и—съ книгой въ рукахъ уходилъ онъ отъ этихъ черныхъ рясъ куда нибудь дальше въ уединеніе; а тамъ, быть можетъ, не разъ глаза ребенка орошались слезами.... Плачетъ ребенокъ, а воспоминавъ, какъ на зло, рисуетъ ему картины былого, шумную столицу, пышный дворъ, ласки близкихъ сердцу и въ концѣ концовъ, смерть отца и братьевъ. Но въ то время, когда воображеніе ребенка—сиротки останавливалось, быть можетъ, на этой послѣдней трогательной картинѣ, надъ нимъ раздавался невдалекѣ унылый призывъ на молитву и противъ воли, когда онъ забывался, напоминалъ ему о его уединенн, о Евсевіѣ, о монахахъ, о Констанціѣ. Злоба дитяти часъ отъ часу росла; но хитрость, которая такъ привилась къ его характеру, прикрывала эту злобу въ то время, когда уста ребенка, быть можетъ, шептали: «Я буду царемъ, я отомщу за смерть твою, отецъ!»

Мечты Евсевія—воспитать въ Юліанѣ ревностнаго защитника *аріанства*—не исполнились. Неоплатоническая школа, послѣ безтолковаго чтенія книгъ св. Писанія, познакомила пылкаго впечатлительнаго юношу съ классическимъ міромъ; вліяніе классическихъ произведеній и неоплатонической философіи совершенно было другое. Язычество, заманчивое язычество по его вѣковой поэзіи, вмѣстѣ съ философіей Греціи и Рима—чуть не съ ума сведи молодаго юношу. Язычество, его поэзія и философія очаровали Юліана. Съ жаромъ любознательности принимаетъ онъ за изученіе поэзіи и, какъ на то, судьба, въ лицѣ его учителя, мнимаго христіянина, посылаетъ опять челоуѣка подѣ—маской, самаго рьянаго приверженца неоплатонической школы. Чудный языкъ учителя краснорѣчія (*чудный* потому-что онъ не знакомъ былъ съ другимъ лучшимъ) во время уроковъ о древнегреческой поэзіи и Римѣ обворожалъ пылкаго юношу, хотя этотъ юноша, по своей сдержанности характера, не обнаруживалъ своего восторга. Забыто все—и *мертвыя*, (попонятію Юліана) книги св. Писанія, и черныя рясы монаховъ, и суровыя наставленія Евсевія, и этотъ унылый призывъ на молитву, все.... юноша переживалъ другую пору въ своемъ воспитанн; онъ познакомился съ поэзіей, и въ этой поэзіи нашелъ какъ-бы отголосокъ жадѣ чувства и знанія.

Учитель открылъ ему новый міръ, міръ философскихъ идей, показалъ божество *новоплатониковъ* и это божество, по понятію юноши, не сравненно стояло выше того Божества, предъ Которымъ благоговѣть, къ несчастью, не кому было научить его съ дѣтства!

Скоро въ стѣнахъ Каппадокійскаго монастыря появляется свѣтило тогдашней современной языческой учености, риторъ *Ливаній* и доканчиваетъ лично воспитаніе Юліана, такъ какъ учитель краснорѣчія былъ одинъ изъ его поклонниковъ. Знаменитый риторъ, какъ оказалось впоследствии, имѣлъ своего рода виды и питалъ надежды на молодого юношу Юліана, изгнанника дяди, какъ и *Евсевій* на ребенка. Въ немъ Ливаній предусмотрѣлъ будущаго намѣстника императорскаго престола и всѣми мѣрами старался воспитать изъ него, но уже не *аріанина*, какъ Евсевій хотѣлъ того, а ревностнаго *язычника*. Старанія Ливанія увѣнчались успѣхомъ: Юліанъ изъ стѣнъ монастыря вышелъ язычникомъ подъ смиренной маской христіанина.

Воспитаніе Юліана въ Каппадокіи окончено. Констанцій, уже старикъ и, вдобавокъ, бездѣтный, не имѣя прямого наслѣдника по смерти и желая, вѣроятно, загладить сколько нибудь свой гнусный и преступный поступокъ увлеченій молодости (убійство Юлія—Констанція и 6-ти сыновей его), вызываетъ Юліана въ Константинополь, ко двору; къ несчастью, опять для Юліана судьба послала другой не менѣе рѣзкій переходъ, отъ уединенной жизни къ блестящему шумному свѣту. Юношѣ, привышему къ уединенію, пришлось лицомъ къ лицу столкнуться съ предворною Константинопольскою роскошью, шумомъ и блескомъ свѣта. При дворѣ *довѣрчиваго* подъ старость Констанція увидѣлъ Юліанъ: всевозможныя интриги, религіозныя партіи,—такъ какъ аріанство еще долго держалось въ христіанствѣ, а между тѣмъ наступало уже время другихъ ересей,—а главное не беззукоризненное поведеніе многихъ христіанъ въ высшемъ кругу. Первое впечатлѣніе жизни общественной произвело въ душѣ Юліана рѣшительное дѣйствіе въ пользу язычества. Юліанъ уже *ненавидѣлъ* христіанство.

Старикъ Констанцій, ненадѣленный отъ природы даромъ проницательности, при всей его подозрительности ко всѣмъ и каждому, какъ я уже сказалъ прежде, встрѣтилъ Юліана съ разирастертыми объятіями; не проходитъ недѣли, какъ старикъ полюбилъ всей душой юношу, *тихаго и скромнаго* и восхищался его *застѣнчивостью* (такъ объяснялъ старикъ злостную хитрую натуру Юліана), не въ состояніи будучи проникнуть въ его душевныя изгибы, гдѣ зрѣли: жажда мести за убійство отца и братьевъ и

ненависть къ христіанству. Съ дозволенія Констанція царственный Юноша, будущій наслѣдникъ престола, отпраляется въ Аѳины доканчивать свое научное образованіе. Давно мечталъ Юліанъ, еще въ стѣнахъ коппадокійскаго монастыря, объ Аѳинахъ, колыбели философіи и поэзіи, родины язычества, — и вотъ мечты осуществляютъ: онъ въ Аѳинахъ, онъ слушаетъ уроки знаменитыхъ неоплатониковъ — фил софозъ и ораторовъ, онъ изучаетъ философію на мѣстѣ ея родины. Какъ не очароваться всеѣмъ этимъ такому пылкому, страстному мечтательному юношѣ!

Въ школѣ въ Аѳинахъ, судьба сталкиваетъ будущаго врага церкви съ будущими славными Святителями ея: Василиемъ (Великимъ) и Григоріемъ (Богословомъ). Тутъ произошло то, что, за нерѣдкость, бываетъ и у насъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; нѣтъ слова противъ того, что изъ нашихъ учебныхъ заведеній не выходятъ *язычники* такіе, каковъ былъ Юліанъ — Отступникъ, за то народу съ воспитанниками съ добрыми качествами сердца и ума, съ задатками и съ искреннимъ душевнымъ желаніемъ на пользу и благо общественое, выходятъ люди низкихъ понятій о всемъ, что есть святаго въ жизни человѣка; межъ тѣмъ какъ тѣ и другіе цѣлые годы были вмѣстѣ, учились однимъ и тѣмъ же *премудростямъ* науки. На одной скамьѣ въ Аѳинской философской школѣ сидѣли трое; слушали одни и тѣже лекціи философіи, какіе юноши, быть можетъ, увлекались краснорѣчіемъ и грѣческой поэзіей а между тѣмъ будущее Юліана какой поразительно рѣзкій контрастъ представляетъ съ будущимъ двухъ Святителей Церкви! Между прочимъ будущіе ревнители православія еще на скамьѣ школы видѣли въ товарищѣ что — то особенное, предвидѣли въ немъ противника христіанства и отстранялись отъ него. Привожу болѣе или менѣе близкій къ буквальному отзывъ о Юліанѣ Григорія Богослова: «высокая гордая фигура Юліана и какъ будто невзначай повременамъ появлявшіеся злостныя взгляды, прикрытые однакожь искусственнымъ флеромъ кротости и смиренія, вѣчно задумчивое выраженіе худаго лица. тихій, пропитанный хитрою жестью голосъ, — все было въ немъ чѣмъ то отталкивающимъ, все говорило, что въ этомъ юношѣ живетъ измѣнникъ, «отступникъ и врагъ христіанства»...

Что слѣдовало за окончаніемъ образованія Юліана? — исторія говоритъ далѣе, что въ 355 году, чрезъ три школьныхъ года, проведенныхъ Юліаномъ въ Аѳинахъ, Констанцій вызываетъ его ко двору и, снѣвша немного по смерти *Галла*, съ титуломъ «*цесаря*» отсылаетъ Юліана въ Галлію. Чрезъ пять лѣтъ, когда императоръ, намѣреваясь вести войну съ Персами, потребовалъ въ константинополь Гальскія войска, галлы возмутились; возмущеніе Галловъ противъ императора какъ нельзя лучше благопріятствовало тому,

кто такъ долго берегъ себя подь маской. Въ этомъ жь 361 году, Юліанъ скидаетъ наконецъ маску и объявляетъ «месть» Констанцію за убійство отца и братьевъ; но поздно было мстить: убійца старикъ лежалъ на смертномъ одрѣ, смерть отомстила за Юліана. Такимъ образомъ мечь Юліана не осуществилась; Констанцій умеръ и Юліанъ безъ кровопролитій вступаетъ съ войскомъ въ Константинополь и надѣваетъ императорскую корону, провозгласивъ себя *защитникомъ* язычества. Язычество еще разъ вступило въ борьбу съ христіанствомъ, имѣя теперь снова во главѣ императора—язычника.

Этого—то Юліана Церковь и исторія заклеили прозваніемъ «Отступника».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Правила о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ.

(Высочайше утверждены 25 мая (6 Іюня) 1874 года).

1) По дѣламъ, производящимся какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, повѣренными могутъ быть, кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ и лицъ, указанныхъ въ ст. 389 Учр. суд. уст., а также означенныхъ въ ст. 18 настоящихъ правилъ, только лица, получившія въ установленномъ сими правилами порядкѣ особыя свидѣтельства на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ. Форма такихъ свидѣтельствъ издается министромъ юстиціи.

2. Дѣйствіе настоящихъ правилъ распространяется въ полной мѣрѣ и на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 354 Учр. суд. уст.).

3. Свидѣтельства на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ выдаются мировыми съѣздами, окружными судами и судебными палатами. Свидѣтельства эти, за указанными въ ст. 4 и 5 изъятіями даютъ права на ходатайство лишь въ томъ судебномъ мѣстѣ изъ котораго они выданы.

4. Повѣренные, имѣющіе свидѣтельства отъ мирового съѣзда, могутъ ходатайствовать и по дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей, подвѣдомственныхъ съѣзду.

5. Повѣренный, принявшій на себя, на основаніи выданнаго ему свидѣтельства, хожденіе по дѣлу, производящемуся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, окружномъ судѣ или въ судебной палатѣ, имѣетъ право, по желанію тяжущагося или подсудимаго,

ходатайствовать по тому же дѣлу и въ кассационныхъ департаментахъ правительствующаго сената.

6. Желающій получить свидѣтельство на право быть повѣреннымъ долженъ подать о томъ прошеніе подлежащему судебному мѣсту съ приложеніемъ документовъ, удостоверяющихъ его личность, и объяснивъ въ прошеніи, что для получения права быть повѣреннымъ нѣтъ ни одного изъ препятствій, означенныхъ въ ст. 246 уст. гражд. судопр.; если же въ послѣдствіи откроется противное, то отъ него отбирается свидѣтельство, и онъ привлекается къ отвѣтственности по ст. 943 улож. о наказ. (изд. 1866 г.).

7. Судебное мѣсто, коему подано указанное въ ст. 6 прошеніе, имѣетъ право удостовѣриться въ надлежащихъ познаніяхъ желающаго получить свидѣтельство на хожденіе по дѣламъ. Правило это не распространяется: а) на лица, получившія уже свидѣтельство отъ другаго равнаго или высшаго суда, и б) на лица, имѣющія аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ.

8. По разсмотрѣніи представленныхъ просителемъ документовъ, судебное мѣсто, принявъ въ соображеніе и всѣ свѣдѣнія, которыя оно признаетъ нужными, постановляетъ или о дозволеніи просителю быть повѣреннымъ по судебнымъ дѣламъ, о чемъ и выдается ему надлежащее свидѣтельство, или же объ отказѣ въ ходатайствѣ просителя, хотя бы онъ и соответствовалъ всѣмъ требуемымъ закономъ формальнымъ условіямъ.

9. О лицахъ, получившихъ свидѣтельство на право быть повѣреннымъ, судебное мѣсто доводитъ до свѣдѣнія министерства юстиціи и публикуетъ имена сихъ лицъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

10. Лица, получившія свидѣтельства, обязаны оплачивать ихъ особымъ денежнымъ сборомъ, въ размѣрѣ: а) сорока рублей въ годъ—по свидѣтельствамъ мирового съѣзда, и б) семидесяти пяти рублей—по свидѣтельствамъ окружнаго суда и судебной палаты. Дозволяется получать свидѣтельства и отъ нѣсколькихъ судовъ, съ платою за каждое свидѣтельство отдѣльно.

11. Означенная въ предыдущей статьѣ плата вносится за годъ впередъ въ январѣ мѣсяцѣ. Получающій свидѣтельство въ промежутокъ времени между 1 іюля и 1 января вноситъ только полугодовую плату.

12. Денежный сборъ съ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ окружными судами и судебными палатами, поступаетъ въ доходъ казны, сборъ же съ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ мировыми съѣздами, орбашается въ пособіе на содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій: въ уѣздахъ—въ пользу уѣзднаго земства, а въ городахъ

дѣ мировыхъ установленія содержатся изъ городскихъ доходовъ — въ эти доходы.

Примѣчаніе. Въ губерніяхъ, гдѣ не введены еще земскія учрежденія, сборъ съ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ съѣздами, обращается въ губернской земскій сборъ каждой губерніи, также въ пособіе на содержаніе мировыхъ установленій.

13. Порядокъ наблюденія за поступленіемъ сборовъ по свидѣльствамъ опредѣляется по соглашенію министра юстиціи съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ.

14. Судебныя мѣста, при коихъ состоятъ лица, получившія свидѣтельства, въ случаѣ неправильныхъ или предосудительныхъ дѣйствій таковыхъ лицъ входятъ, какъ по непосредственному своему усмотрѣнію, такъ и по предложеніямъ прокуроровъ окружнаго суда или судебной палаты, въ разсмотрѣніе вышеуказанныхъ дѣйствій и могутъ подвергать сіи лица слѣдующимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ: а) предостереженію или замѣчанію; б) выговору; в) запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго на время не свыше одного года, и г) исключенію изъ числа повѣренныхъ.

15. На указанныя въ ст. 8 постановленія окружныхъ судовъ и мировыхъ съѣздовъ о соответствіи или несоответствіи желающаго быть повѣреннымъ опредѣленнымъ для того въ законѣ формальнымъ условіямъ, а также на постановленія, указанныя въ пунктахъ в и г статьи 14, допускаются въ двухнедѣльный срокъ жалобы частныхъ лицъ и протесты прокурорскаго надзора; сіи жалобы и протесты подлежатъ разсмотрѣнію судебной палаты и разрѣшаются ею окончательно. На постановленія судебной палаты о лицахъ, какъ желающихъ быть, такъ и состоящихъ уже при ней повѣренными, означенныя жалобы и протесты могутъ быть приносимы въ тотъ же срокъ кассационному департаменту правительствующаго сената.

16. Независимо отъ дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ на повѣренныхъ судебными мѣстами, министру юстиціи предоставляется устранять отъ ходатайства по судебнымъ дѣламъ такія лица, которыя, по доходящимъ до него несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій, несоответствующій званію повѣреннаго.

17. На лица, имѣющія свидѣтельства на право ходатайства по судебнымъ дѣламъ, распространяется, относительно размѣра вознагражденія, дѣйствіе статей 395 и 396 учр. суд. уст.

18. По дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей, допускаются къ ходатайству въ качествѣ повѣренныхъ и такія лица, которыя не имѣютъ установленнаго сими правилами свидѣтельства, но не болѣе какъ по тремъ дѣламъ въ теченіе года, въ предѣлахъ

того же мирового округа. Предъ допущеніемъ къ судебному разбирательству сіи лица спрашиваются судьей, не ходатайствовали ли они уже въ томъ году, въ предѣлахъ мирового округа, по чужимъ дѣламъ, и если ходатайствовали, то сколько разъ. За ложное по сему предмету показаніе виновные подвергаются отвѣстственности по ст. 943 улож. о наказ. (изд. 1866 г.).

Но если мировой судья признаетъ, что кто-либо изъ лицъ, воспользовавшихся хотя однимъ разъ правомъ ходатайства у него безъ особаго на то свидѣтельства, не соответствуетъ условіямъ, необходимымъ для частнаго повѣреннаго, то представляетъ мировому съѣзду, по постановленію коего такое лицо можетъ не быть допускаемо болѣе въ предѣлахъ округа къ ходатайству по дѣламъ. Независимо отъ сего, къ вышеозначеннымъ лицамъ применяются ст. 14—16 настоящихъ правилъ.

Форма свидѣтельствъ на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ.

Свидѣтельство
на 18 годъ.

Дано сіе свидѣтельство *такимъ-то* (съѣздомъ, окружнымъ судомъ или палатою) *такому-то* (званіе или чинъ, имя, отчество и фамилія) въ томъ: 1) что ему разрѣшается ходатайствовать по чужимъ дѣламъ въ *такомъ-то* (судебномъ мѣстѣ или съѣздѣ) (ст. 3—5 высочайше утвержденныхъ, 25 мая (6 июня) 1874 года правилъ о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ), и 2) что *такимъ-то* внесенъ за 18 _____ годъ установленный ст. 10 тѣхъ-же правилъ денежный сборъ въ размѣрѣ *такомъ-то*. Мѣсяць и число 18 _____ года.

Подпись: Предсѣдателя палаты, суда или съѣзда.

Скрѣпа Секретаря.

(М. П.).

(Совр. Изв.).

ОТЪ СОВѢТА ВОР. ЕП. ЖЕЛСК. УЧИ ЛИЦА.

Сбъясняется, что прошенія о принятіи въ училище, по особымъ причинамъ, къ 1-му Авг. немогли быть разсмотрѣны.

Редакторы: { Прот. Ѳ. Никоньевъ.
Свящ. І. Адамовъ

печатать дозволяется. Цензоры: Прот. Н. Волковъ, и свящ. П. Полещинъ
Юля 31-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ

историковъ. Изучь-бы несостоятельными ни оказались попытки Юлиана — объединить религію съ философіей (язычества); но онъ, повторяя мнѣ изъ ряда тѣхъ сумасбродныхъ поступковъ, къ которымъ, сгоря относитъ поступокъ *Герострата*, который сжегъ *Моду*. Писни *Дианы* въ *Ефесѣ* (одно изъ чудесъ древней археологии) — изъ за того только, чтобы увѣковѣчить свое имя на страницахъ всемірной исторіи.

Христіанская церковь въ IV-мъ столѣтіи начала только, такъ сказать, оправляться отъ гоненій первыхъ трехъ вѣковъ, собирая обрѣзанныхъ чадъ своихъ къ трону императора царя — христіанина и не успѣла войти въ колею государственнаго величія, какъ ужъ ересь *Арія*, смуты и религіозныя распри потрясли ее тамъ и сямъ. На горизонтѣ христіанства межъ тѣмъ еще не появились *Василій Великій*, *Григорій Богословъ* и *Іоаннъ Златоустъ*, — такъ какъ школа еще только воспитывала ихъ къ будущему, и пока свѣтила Церкви воспитывались въ школѣ, *Аріанство*, а за нимъ смуты и распри повсемѣстно волновали Церковь и только единственный *Св. Аванасій* съ немногими подвизался въ борьбѣ съ ересью.. Самая жизнь современнаго христіанства, въ особенности въ высшихъ словахъ общества, далеко стала прогнорѣчить строгимъ правиламъ нравственности.

Вотъ та эпоха, когда Юлианъ выходитъ изъ стѣнъ монастыря въ жизнь, присоединимъ къ тому, выходитъ предубѣжденный противъ христіанства и въ пользу язычества. Теперь какое же впечатлѣніе могла произвести на Юлиана жизнь современниковъ послѣ его заточенія въ монастырѣ, жизнь какъ религіозная, такъ и нравственная? Быть можетъ мнѣ возразятъ нѣкоторые: что же, развѣ ничего ужъ не было хорошаго въ жизни современнаго Юлиану христіанства? Знаю, что было и много, да только Юлианъ не видѣлъ этого многого или потому, что не хотѣлъ видѣть, или не могъ видѣть, такъ какъ по возвращеніи въ Константинополь онъ говорилъ уже я, былъ предубѣжденъ противъ христіанства и вращаясь въ средѣ придворнаго и гдѣ царствовали интриги, гдѣ страдала религіозность и нравственность. Что хорошаго могъ найи и понть (т. е. вопіиѣ оцѣнить) въ жизни и религіи, при столькихъ религіозныхъ спорахъ, — въ жизни и религіи, тогда *самобманутыя* (говоря словами Юлиана), тогда читателей *религии мертвецовъ*?!? Строгая философія, неоплатонизмъ, поэзія и краснорѣчіе — вотъ жизнь, думалъ юноша, хотя тогда не понимала ее. Изъ эту жизнь онъ задается мыслию дать каждому своему подданному; тогда, казалось ему, не понимала сути язычества въ подномъ смыслѣ язычества *философическаго* и Юлианъ хотѣлъ оудснить, осмыслить язычество этой толпѣ..

Юліанъ объявляетъ язычество религіей гос- кетвующей; по вступленіи на престолъ окружаетъ себя язычедатаи жрецами, философами, мало того, желая показать въ лицѣ свокру-примѣръ истиннаго учителя языческой религіи, принимаетъ титуло раз-ахіmus pontifex. Каждое утро самъ приноситъ жертвы богамъ, ся отвѣт-христіанъ учреждаетъ благотворительныя заведенія при к вводитъ обряды покаянія и объясненіе народу древнихъ лицъ, въ видѣ христіанскихъ проповѣдей и т. п. него

Что касается христіанъ и Іудеевъ, то они пользуются вѣро-терпимостью. Въ отношеніи христіанъ Юліанъ не воздвигаетъ гоненій, да это и несогласно было съ его планами, точнѣе съ его политикой, какъ философа, какимъ, е-ли не былъ онъ, то покрайней мѣрѣ хотѣлъ быть на тронѣ... Вѣротерпимостью и временемъ Юліанъ мечталъ привести въ язычество какъ христіанство, такъ и іудейство; въ особенности надѣялся онъ достигнуть этого въ отношеніи христіанъ. А между тѣмъ не терялъ случая разубѣждать, какъ онъ думалъ, тѣхъ и другихъ въ достоинствѣ ихъ религіи: такъ, чтобы опровергнуть божественность христіанской вѣры, опровергнуть предсказаніе Спасителя о всегдашнемъ разрушеніи іерусалимскаго храма, Юліанъ рѣшается возстановить древній іерусалимскій храмъ, разрушенный Титомъ въ 70 году. Много трудовъ и издержекъ истрачивается для достиженія этой цѣли; но, какъ рассказываетъ языческій писатель Амміанъ Марцелинъ, страшные огненные шары, вырываясь изъ земли, гдѣ іудеи полагали основаніе храма, неоднократно опалили строителей, и сдѣлали мѣсто неприступнымъ. Работа была прекращена.

Какъ-бы то ни было, Іудеи пользовались большею расположен-ностью Юліана, чѣмъ христіане. Въ глазахъ его это были тѣже язычники, въ немногомъ отступившіе отъ религіи языческой. Хорошо, говорилъ онъ, что Іудеи почитаютъ единаго Бога (Юліанъ въ язычествѣ понималъ единобожіе; безчисленное множество истукановъ—это, по его понятію, олицетвореніе свойствъ одного божества), но не хорошо, что этого Бога они называютъ своимъ т. е. покровителемъ одной іудейской націи и всѣхъ другихъ народовъ, считаютъ недостойными ихъ сношеній. Іудеи, кромѣ того, приносили кровавыя жертвы—еще сходство съ язычниками.

Неудача въ пострoenіи іерусалимскаго храма впервые озлобила Юліана. Указомъ отнялъ онъ у Церкви христіанской большую часть доходовъ; клиръ лишилъ всѣхъ преимуществъ, дарованныхъ ему Константиномъ; христіане удалены были отъ всѣхъ значительныхъ должностей въ государствѣ, имъ даже запрещено

заниматься изученіемъ наукъ, въ виду будто—бы того, что люди (каковы были христіанскіе богословы), изъясняющіе творенія великихъ мужей: Гомера, Гезіода и др. и обличающіе ихъ въ нечестіи, оскорбляютъ боговъ, которыхъ почитали эти великіе люди. Поводомъ къ такому строгому запрещенію христіанамъ заниматься изученіемъ наукъ былъ слѣдующій случай. Юліанъ, спустя немного по возшествіи на престолъ, надвѣясь на свою рѣдкую ученость и знаніе философіи, пожелалъ рѣшить вопросъ о превосходствѣ религіи языческой надъ христіанствомъ, спорилъ съ христіанскими учеными апологетами, которыхъ и призывалъ ко двору. Въ числѣ прибывшихъ на диспутъ былъ современный христіанскій ученый, братъ св. Григорія, Кесарій (онъ занималъ мѣсто доктора въ Константинополѣ), и ученость Юліана, его рѣдкое краснорѣчіе публично было посрамлено. Кесарій доказалъ всю несостоятельность язычества и заблужденіе императора. Въ злобѣ Юліанъ запрещаетъ христіанамъ посѣщать философскія школы, опасаясь на будущее время за язычество при подобныхъ ученыхъ противникахъ, каковъ былъ Кесарій. Противъ такого грознаго запрещенія св. Григорій Богословъ и написалъ свою знаменитую апологію, въ которой доказалъ, что наука равно принадлежитъ какъ язычникамъ, такъ и христіанамъ.

Злоба Юліана противъ христіанъ усиливается, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаются притѣсненія христіанъ. Такъ въ *Антіохіи* Юліанъ уже приказываетъ жертвенною кровью окроплять продаваемые на рынкахъ припасы, производить раздачу жалованья воинамъ при языческой обстановкѣ, гдѣ получившіи жалованья воинъ кланяется императору а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и статуѣ языческой, стоявшей за сѣдалищемъ императора. Это повело къ открытому возмущенію христіанъ, за что всякій противившійся наказывался за *оскорбленіе величества*, какъ непослушный царской власти.

Какъ бы отъ ни было, не удалась политика Юліана въ отношеніи христіанъ. Что же сдѣлалъ онъ для язычества, достигъ ли онъ цѣли—*осмыслилъ* ли онъ его сущность такъ какъ хотѣлъ?! Нѣтъ, Ливаній и приверженцы его такъ много ждали отъ своего воспитанника;—въ лицѣ его они хотѣли *защитника* язычества, и, между прочимъ, спустя немного времени, эти рьяные язычники оттолкнулись отъ Юліана; простая причина—они *обманулись* въ немъ. Имъ хотѣлось воспитать въ Юліанѣ императора—*орудіе* для своихъ плановъ, а изъ воспитанника выросъ императоръ—*человѣкъ собственной воли* и, вдобавокъ, императоръ идеальный философъ, задавшійся мыслью соединить религію и философію въ

одно дѣло. Воспитанный въ понятіяхъ неоплатонической школы, Юліанъ хо-
 ѣлъ возстановить не то язычество, какое знало болышин-
 ство язычниковъ, а другое, преобразованное по началамъ *неоплатонизма*.
 Отрицая вмѣстѣ съ своими учителями—*неоплатониками* древнее много-
 божіе и признавая божествомъ только единое *Верховное существо*, Юліанъ
 видѣлъ въ богахъ древней религіи идеи, свойства и качества этого
 верховнаго существа, а въ идолахъ—олицетвореніе, какъ я уже сказа-
 лъ, этихъ качествъ и свойствъ верховнаго существа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ
 Юліанъ хотѣлъ преобразовать язычество не только съ теоретической,
 но и съ практической стороны. Душъ язычества хотѣлъ облечь въ
 форму христіанской религіи, чѣмъ объясняется устройство богоугодныхъ
 заведеній при капищахъ и не только для толпы хотѣлъ создать
 новое божество, совершеннѣйшее, но и научить такъ же толпу,
 какъ относиться къ нему, какъ почитать это верховное существо.
 Мечта оказалась *непосильною* на дѣлѣ. Язычники, встрѣтившіе
 Юліана токъ восторженно, мало по малу обманывались въ
 своихъ надеждахъ и тайно и открыто начали заявлять свое неудоволь-
 ствіе. Первые отшатнулись отъ Юліана *ученые*—*воспитатели*.
 Придворный высшій классъ общества смѣялся надъ смѣшными
 церемоніями Юліана при жертвоприношеніяхъ его, когда императоръ
 въ качествѣ «*pontifex maximus*», одѣтый въ простую одежду азыч-
 скаго жреца, молился предъ капищами боговъ; невѣжественная
 чернь, привыкшая видѣть своего императора въ пышныхъ нарядахъ,
 въ коронѣ, приходила въ неистовство, и издѣвалась надъ *чудакомъ*
 (эпитетъ, данный народомъ императору), одѣтымъ чуть не въ рубища
 во время тѣхъ же жертвоприношеній. Жрецы ненавидѣли Юліана,
 такъ какъ онъ требовалъ отъ нихъ строгаго исполненія обяза-
 ностей своихъ. Какъ ни старался Юліанъ, разочарованіе за разо-
 чарованіемъ было результатомъ его стараній: языческое общество
 не сочувствовало его планамъ, христіанское мужественно переносило
 всѣ притѣсненія и нисколько не ослабѣвало. Приписывая всю
 неудачу своихъ плановъ, своей политики твердости христіанства,
 онъ издастъ полемическое сочиненіе, въ трехъ книгахъ, «*Ката
 христіановъ*» (противъ христіанъ), въ которомъ прямо порицаетъ
 христіанство. Это сочиненіе важно въ томъ отношеніи, что оно
 знакомитъ, какъ нельзя лучше съ взглядами Юліана на христіан-
 ство, тѣми взглядами, которые вынесъ онъ изъ школы и изъ
 жизни. Вѣру христіанъ Юліанъ называетъ «вѣрой въ мертвецовъ»,
 (по его мнѣнію, христіане суть некто другіе, какъ самообманутые,
 вѣруютъ въ *мертвеца*, распятаго на крестѣ іудеями и никогда не
 воскресавшаго). Почитаніе гробницъ мучениковъ, по мнѣнію
 Юліана, напоминаетъ собою распространенную въ Египтѣ еще
 изъ древности *магію*, чтители которой вѣрили въ введенія умершихъ

мужей и приходили иногда проводить ночи на их могилахъ, на ихъ гробахъ для того, чтобы получить или добрый совѣтъ, или исцѣленіе отъ болѣзни, если кто либо изъ нихъ былъ болѣнъ.

Опровергая божественное происхожденіе христіанства, Юліанъ опровергаетъ божественное происхожденіе Спасителя міра на томъ основаніи, что три первые евангелиста *Матвей, Маркъ и Лука* не называютъ Иисуса Христа прямо Богомъ, и что Самъ Спаситель (Его обыкновенно называетъ Юліанъ «Галилеяниномъ») въ своихъ рѣчахъ о себѣ не иначе отзывается, говоритъ онъ, какъ о «сынѣ Человѣческомъ». Что же касается повѣствованія Іоанна Богослова, гдѣ въ первой главѣ, въ первомъ стихѣ Спасителю міра евангелистъ даетъ имя «Богъ» или «Слово», Юліанъ совершенно отвергаетъ его, говоря «Іоаннъ былъ любимъ *Галилеяниномъ* и закрилъ, что онъ Богъ, такъ—что изъ за любви къ своему учителю, всё таки съ оговорками, приписываетъ ему въ своемъ евангеліи титулъ *Бога*». Такъ доказываетъ Юліанъ свое воззрѣніе на Иисуса Христа. Самый новый завѣтъ,—по понятіямъ Юліана, это *выдумка* читателей религіи мертвеца. Принимая религію отъ Іудеевъ, христіане отвергаютъ обрядовый законъ Моисеевъ, приношеніе кровавыхъ жертвъ—словомъ съ обрядовой стороны весь Ветхій завѣтъ; тогда какъ книги Ветхаго завѣта находятся у нихъ въ почтеніи, потому—что, объясняютъ христіане, книги эти написаны *людьми Божиими*, упуская изъ виду, что эти люди (св. писатели) называютъ Ветхій завѣтъ «*вѣчнымъ*». Да и Самъ Спаситель міра, Котораго распяли Іудей, говоритъ далѣе Юліанъ въ своемъ сочиненіи (въ *Народной бесѣдѣ*) заповѣдуетъ христіанамъ хранить законъ Моисеевъ. *Да не мните, говоритъ онъ, яко приидохъ разорити законъ или пророки: не приидохъ разорити, но исполнити.* (Матѣ. 5 гл. 17 ст.). Слѣдовательно христіане сами измышляютъ свои законы и религію. Опровергая Евангелія, Юліанъ опровергаетъ писанія другихъ Апостоловъ, въ особенности посланія Апостола *Павла*. Кто такой былъ Апостолъ Павелъ? это былъ, говоритъ Юліанъ, ни больше ни меньше, какъ «*человѣкъ безъ убѣжденій, это былъ лицемеръ*»; не даромъ въ одномъ изъ своихъ посланій онъ говоритъ: «*Азъ быхъ всѣмъ есмь*».

Юліану не суждено было дожить до той минуты, когда отозвалось христіанство на полемическое его сочиненіе цѣлымъ рядомъ апологій святителей Церкви. Личное участіе въ походахъ въ войнѣ съ Персами заставило императора разстаться съ титуломъ и званіемъ «*maximus pontifex*».

Выступая въ походъ, противъ ожиданія, клянется раздраженный и разочарованный Юліанъ принести въ жертву богамъ всѣхъ христіанъ, послѣ счастливаго окончанія похода. Но этой страшной угрозѣ не суждено, знать, было осуществиться. Въ одномъ изъ сраженій стрѣла прекратила жизнь Отступнику, а вмѣстѣ съ тѣмъ даровала Церкви вновь свободу. Умирая на полѣ сраженія, смертельно раненный Юліанъ успѣлъ, бросая горсть песку, смоченнаго кровью, къ небу, — успѣлъ произнести: «*Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!*»!!!...

Воспитаникъ семинаріи 6-го класса *Н. Пономаревъ.*

Оригенъ противъ Цельса.

(Продолженіе).

Отрицая догматъ о твореніи и паденіи въ смыслѣ христіанскомъ, Цельсъ вмѣстѣ съ этимъ отрицаетъ и искупленіе. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ есть необъяснимая идея, абсолютное начало, которое вѣкъ міра живетъ, — если его величіе въ томъ и высказывается, что онъ остается вѣкъ всякаго соприкосновенія съ низшимъ міромъ, то это ученіе о искупленіи, какое Евангеліе намъ представляетъ, есть не что иное, какъ профанція, и его даже минутно нельзя принять. Богъ есть высочайшее благо, красота и блаженство; всё, что есть совершеннѣйшаго, онъ имѣетъ въ самомъ себѣ. Если онъ снисходитъ до человѣка, то онъ долженъ потерпѣть измѣненіе. Это измѣненіе необходимо сопряжено съ уменьшеніемъ его красоты и его блаженства; оно есть униженіе и слѣдовательно измѣненіе совершеннаго въ несовершенное. Но это измѣненіе не можетъ быть дѣйствительнымъ; ибо только тѣльное подвержено измѣненію, безсмертное напротивъ не измѣняемо въ себѣ самомъ — въ своемъ существѣ (IV, 704). Богъ такимъ образомъ не потерялъ ни какого измѣненія. Цельсъ идетъ такъ далеко, что считаетъ всякое представленіе о воплощеніи позорнымъ. Допустивъ, что такой фактъ возможенъ, т. е. что Богъ можетъ воплотиться, Цельсъ спрашиваетъ: какимъ образомъ спусти столько вѣковъ Богъ пришелъ къ мысли возвратить людей къ праведности (IV, 701—702)? Можно ли вмѣстѣ съ христіанами вѣровать, — когда даже созерцаніе высочайшаго Бога такъ трудно достижимо, что еще Богъ послалъ своего Духа въ гѣло, подобное нашему, чтобы и въ этомъ образѣ мы могли принять Его и научиться отъ него (VI, 767)? Но почему онъ далъ столь грубый покровъ? Не могъ ли онъ дать небесный покровъ, который сдѣлалъ бы не

возможнымъ всякое невѣріе? Если бы Божественный Духъ одушевлялъ тѣло Христа, Онъ, Христосъ, превосходилъ бы всѣхъ людей величіемъ, красотою, силою и могуществомъ? Въ самомъ дѣлѣ, тотъ долженъ бы былъ отличаться отъ прочихъ людей, кто надѣленъ чѣмъ либо божественнымъ. И однакожь Христосъ не отличался отъ другихъ людей, Онъ былъ, говорятъ, малаго роста, и Его лице не выражало красоты и благородства (VI, 768 — 769).

Если Богъ, подобно какъ Юпитеръ въ комедіи, внезапно пробудился отъ продолжительнаго сна, чтобы спасти роль чело-вѣческой, — почему онъ послалъ своего Духа въ незначительную землю? Онъ долженъ бы былъ одушевить и другія тѣла и послать во весь міръ. Не смѣемся ли мы, когда читаемъ у Греческаго комика, какъ Юпитеръ, едва пробудившійся отъ сна, посылаетъ Меркурія къ Аѳинянамъ и Лакедемонянамъ? Не говорите ли вы гораздо болѣе смѣшнаго, вы, которые утверждаете, что сынъ Божій посланъ былъ къ Иудеямъ. Въ то время, какъ Богъ спалъ Онъ кажется забылъ заповѣди, которыя Онъ далъ прежде чрезъ Моисея? Ибо Онъ повелѣлъ ему обогащаться завоеваніями, изливать кровь враговъ своихъ безъ пощады. Но теперь мнимый сынъ Божій возвѣщаетъ совершенно противоположное; Онъ проповѣдуетъ прощеніе неправды и бѣдность. Какъ объяснить такое противорѣчіе (VI, 770, VII, 776—777)? Цельсь завершаетъ всю эту полемику о воплощеніи тѣмъ, что обвиняетъ христіанъ будто бы они предалися самому негодному матеріализму. Они въ самомъ дѣлѣ думаютъ тѣлесными очами созерцать Бога, вмѣсто того чтобы прибѣгать къ рекомендуемому философією нравственному созерцанію. «Вы, говоритъ Онъ, самые смѣшныя изъ всѣхъ людей, вы, которые отвергаете другихъ видимыхъ боговъ и идоловъ, а между тѣмъ сами поклоняетесь образу, который есть самый гнусный идолъ. — Что я говорю — идолъ! Это мертвецъ, и вы его дѣлаете образомъ вѣчнаго Отца (VII, 782).

Послѣ того какъ Цельсь сдѣлалъ упрекъ христіанскому ученію за то, что оно, по мнѣнію Его, жалкимъ образомъ унизило идею о Богѣ, онъ обвиняетъ это ученіе въ томъ что оно преступило всякую мѣру въ возвеличеніи творца. Страшно! Этому высокоумному философу, который язвительными сарказмами осмѣялъ проповѣдуемое Евангеліемъ смиреніе, правится унижать чело-вѣчество, отнимать у него вѣнецъ славы, котораго не могъ совершенно помрачить самый грѣхъ, — и оспаривать у него божественное сыновство. Гордый платоникъ, который при одной мысли чрезъ почитаніе распятаго принадлежать къ смиреннымъ и не-б-жественнымъ христіанамъ кипѣлъ бы отвращеніемъ и считалъ бы

оскорбленіемъ своего достоинства—принять ученіе о паденіи, — однакожь не задумывается наложить на человѣчество неизгладимое пятно безчестія. Онъ не находитъ достаточнаго количества насмѣшекъ, чтобы осмѣять жалкихъ галилеянъ, которые считаютъ крестъ своимъ знаменемъ; но самъ въ тоже время находитъ удовольствіе втаптывать въ грязь человѣка, ставя его даже ниже скотовъ. Такимъ образомъ высокоуміе клонится къ стыду, а смиреніе къ славѣ. Христіанство высоко поставляетъ человѣка, хотя и осуждаетъ его за первородный грѣхъ: философія Цельса напротивъ унижаетъ его, хотя и освобождаетъ отъ вины первороднаго грѣха. Но не гораздо ли ниже и хуже высокоумія то расположеніе, по которому не хотятъ признавать безконечной цѣны нашего спасенія, между тѣмъ какъ находятъ удовольствіе унижать человѣка, чтобы отнять у него средства къ покаянію и исправленію? Мысль христіанъ и Іудеевъ, что они участвуютъ въ особенномъ благоволеніи Божию и пользуются особеннымъ попеченіемъ, кажется Цельсу верхомъ, или апогеею смѣшнаго. Онъ сравниваетъ ихъ съ муравьями или съ лягушками, которые спорятъ въ своемъ болотѣ. «Намъ только, говорятъ они, Богъ воздѣлалъ и открылъ свои совѣты; ради насъ онъ печется о мірѣ, небѣ и всемъ, что есть на землѣ. Его забота сосредоточивается только на насъ; намъ только онъ постоянно посылаетъ своихъ вѣстниковъ, и онъ теперь тѣмъ только и занятъ, какъ бы на вѣки мы съ нимъ соединились» (IV, 706). Эти земные черви простираютъ свою смѣлость до того, что говорятъ: «Мы одни сотворены богоподобными существами, все намъ подчинено: земля, вода, воздухъ, вѣтила—все ради насъ сотворено и должно намъ служить. Когда нѣкоторые изъ насъ подпадутъ грѣхамъ, то самъ Богъ придетъ или пошлетъ сына своего, чтобы поглотить геенскимъ огнемъ невѣрующихъ, а насъ ввести въ вѣчную жизнь. Такія притязанія, присовокупляетъ онъ, годились бы лучше для червей и лягушекъ, чѣмъ для Іудеевъ и христіанъ» (IV, 706, 707) Перетолковывая не правильно христіанское ученіе о человѣкѣ и божественномъ о немъ промысленіи, и облавая презрѣніемъ Іудеевъ и христіанъ, Цельсъ вообще унижаетъ человѣческую природу и идетъ самъ противъ себя. Земной червь, котораго онъ готовъ скорѣе уничтожить или въ грязь втоптать, чѣмъ согласиться, что до него снизошелъ самъ Богъ, есть человѣкъ. Онъ находитъ постыдное удовольствіе—ставить человѣка на самую низшую ступень въ ряду существъ, и чтобы облегчить трудъ—доказывать свое положеніе, онъ проводитъ обширную и точную параллель между ими и животными, совершенно къ выгодѣ послѣднихъ. Они (животные) безсомнѣнія, живутъ съ меньшими издержками, чѣмъ мы, и не достаютъ себѣ пропитанія съ такими усиліями, какъ человѣкъ. Вся

природа для нихъ—покрытый столъ. Мы не имѣемъ ни какого права возвышать себя надъ ними, выходя изъ того основанія, что мы охотимся за ними и убиваемъ ихъ. И они точно также охотятся и разтерзываютъ насъ, не нуждаясь въ стаѣ собакъ и разставленіи сѣтей (IV, 723—724). Если и вы ссылаетесь на свою цивилизацію, на города, которые вы строите, на законы, которые вы поставяете, на начальства, которыя вы избираете, то посмотрите на муравьевъ и пчелъ: отлично управляемый городъ не выдерживаетъ аналогіи съ какимъ нибудь ульемъ. Это маленькое царство имѣетъ свои войны и свои побѣды, и нужно сосчитывать только трупы шершней, чтобы знать, что оно блюдетъ за правосудіемъ. Еще далѣе: муравьи имѣютъ свое кладбище (яму), на которомъ они, безъ сомнѣнія хоронятъ своихъ мертвецовъ (IV, 725). Они имѣютъ достаточный для себя разумъ, имѣютъ общія понятія объ общихъ истинахъ, и еслибъ мы могли прислушаться къ нимъ, то мы услышали бы ихъ говорящими между собою. Если бы кто нибудь посмотрѣлъ съ неба на землю, онъ не узналъ бы въ чемъ состоитъ различіе между муравьями и людьми (IV, 725). На возраженіе: человѣкъ, по крайней мѣрѣ, есть религіозное животное, Цельсъ отвѣчаетъ: и птицы могутъ имѣть одинаковую же религію. Мы должны даже допустить, что они находятся въ гораздо ближайшемъ общеніи съ Богомъ, потому что мы къ нимъ обращаемся, чтобы узнать божественную волю. Слоны могутъ поучить людей вѣрности и исполненію обязанностей; они и заслуживаютъ пальмы за благочестіе. Животныя такимъ образомъ не только разумнѣе человѣка, но они также и угодиѣ Богу (IV, 729—730). Изъ всего сказаннаго такимъ образомъ вытекаетъ, что міръ скорѣе созданъ для львовъ, орловъ и дельфиновъ, чѣмъ для людей. Странно видѣть, какъ представитель философіи высоко ставитъ инстинктъ надъ разумомъ и гордо удаленъ буйство креста, замѣняя его столь унизительною мудростію. Къ такимъ мрачнымъ результатамъ онъ зашелъ путемъ своего пантеизма и нигилизма, которые постоянно уничтожаютъ грани между матеріальнымъ и нравственнымъ міромъ. Отнимите свободу, и человѣкъ—самое несчастнѣйшее существо между тварями! Въ слѣдствіе этого отрицанія свободы, Цельсъ считаетъ не возможнымъ великое нравственное преобразование, къ которому путемъ исправленія хочетъ привести насъ христіанство. «Если грѣхъ, говоритъ онъ, есть естественная, привычкою развитая склонность, то онъ очевидно не искореняется ни наказаніемъ, ни помилованіемъ (III, 697). Какой слѣдовательно отъ природы человѣкъ есть, такимъ и останется. Слабый и бѣдный въ настоящей жизни, онъ не можетъ ожидать какого либо великаго прославленія и въ будущности. Ученіе о воскресеніи тѣлъ есть смѣшная басня, и христіане, говоритъ

Цельсы, настолько глупы, что вообразили себѣ, что, если Богъ ихъ, какъ поварь, разведетъ огонь и весь міръ воспламенится, — они одни останутся цѣлыми: не только тѣ изъ нихъ, которые еще живутъ, но также и тѣ, которые прежде умерли, но которые возстанутъ изъ земли въ томъ же самомъ тѣлѣ. Эта надежда болѣе достойна червей, чѣмъ людей. Можетъ ли человѣческая душа желать — остаться въ поврежденномъ тѣлѣ? Какимъ образомъ разрушенное тѣло можетъ принять прежнюю свою форму? Они, сообразно своей привычкѣ, — отвѣчаютъ: Богъ всё можетъ сдѣлать. Какъ будто бы Богъ можетъ сдѣлать постыдное и противуестественное! Я не отрицаю, что для души Богъ можетъ сохранить вѣчную жизнь; но тѣло, по выраженію Гераклита, ничтожише самой грязи. И этому тѣлу, смѣшанному съ скверною, могли приписывать вѣчность! Подлинно гнусное не лежитъ ни въ волѣ, ни въ силѣ Божіей (V, 736).

Въ этихъ словахъ высказывается основная мысль платонизма, именно: не примиримый, непобѣдимый дуализмъ, который дѣлаетъ невозможнымъ всякое примиреніе между имъ и христіанскимъ монотеизмомъ.

Но между тѣмъ какъ Цельсъ съ такою силою нападалъ и осмѣивалъ христіанское ученіе съ внутренней стороны, — онъ не забывалъ осмѣять его и съ внѣшней. Языкъ св. Писанія и Евангельская простота казались ему обидными и возмутительными. Языкъ Пророковъ и Апостоловъ онъ вообще называлъ подлымъ и низкимъ (III, 697—699). Какъ достойный сынъ Греціи, постоянно влюбленный въ искусственную красоту, Цельсъ часто возвращался къ этому предмету въ своей полемикѣ и безъ всякаго сожалѣнія осмѣивалъ простой живой слогъ св. Писанія, который для его утонченнаго вкуса казался грубымъ, между тѣмъ какъ онъ достаточно былъ возвышенъ для того, чтобы Цельсу нельзя было не изумляться предъ этимъ языкомъ. Идолопоклонство предъ формою совершенно извратило его эстетическій смыслъ и отъ него точно убѣгаетъ простая красота, какъ и высокая истина. Видно было, что ему нравились драпировка и украшенія. Съ этой точки зрѣнія Евангеліе, пожалуй можно назвать грубою варварскою книгою; но при этомъ можно спросить: не гораздо ли большее варварство тамъ, гдѣ гоняются за одной формою и жертвуютъ изъ за нея самымъ содержаніемъ; жертвуютъ мыслию для одного блеска языка? Мы увидимъ, какъ сильно Оригенъ превознесъ Евангельскую простоту и доказалъ ея величіе и красоту. Въ опроверженіи этихъ частныхъ пунктовъ нападеній Цельсовыхъ и въ защищеніи оригинальности и разумности христіанскаго ученія, какъ особенно

характерныя черты въ полемикѣ Оригена ярко обозначаются сдержанность и правдивая разсудительность. Талантъ Оригена, можно сказать, высказывается здѣсь во всей полнотѣ своей. Христіанскій апологетъ не увлекается, подобно Цельсу. Не увеличивая недостатковъ языческаго ученія, и признавая извѣстныя достоинства за нимъ, онъ при всемъ этомъ вполне доказываетъ оригинальность и возвышенность христіанства въ его ученіи. Платоническая философія, которую противопоставляли христіанству, какъ извѣстно, была высочайшимъ полетомъ аттической мысли къ идеализму. Не смотря на множеество своихъ заблужденій, она выразила святое стремленіе къ истинѣ и тоску совѣсти на благороднѣйшемъ языкѣ, и если она не побѣдила мрачнаго дуализма, то по крайней мѣрѣ, предчувствовала тѣ истины, которыя она окончательно не могла ни утвердить, ни освободить отъ очевидныхъ противорѣчій. Естественно, что между религіознымъ ученіемъ христіанства, которое эти великія истины представило въ полномъ свѣтѣ, и—философскимъ, которое способствовало къ тому, чтобы приготовить имъ путь, могло быть и въ некоторомъ и даже замѣчательное сходство. Кромѣ того, христіанство, когда вступило въ Греческій міръ, должно было говорить его языкомъ; по этотъ языкъ, какъ скоро онъ выражалъ идеи высшаго порядка, —приближался къ платоническому. Отсюда многочисленныя сходства въ выраженіи, которыми очень легко можно было злоупотреблять. Это вызывало Оригена на особенную осторожность и побуждало его къ распредѣленію и благородному разграниченію того, что составляло собственность христіанства и что, какъ извѣстная доля, принадлежало язычеству. Талантливый апологетъ христіанства все это взвѣсилъ и обсудилъ; 6-я книга его апологіи посвящена собственно этому труду. Оригенъ соглашается, что христіане въ некоторыхъ пунктахъ сходятся съ Платониками, когда они подтверждаютъ распространенныя академіею частныя понятія о Божествѣ, когда по ихъ примѣру они ниспровергаютъ грубый политеизмъ толпы, —когда они одобряютъ прекрасныя слова о высочайшемъ благѣ, которое само по себѣ воспламеняется въ человѣческой душѣ; однако все это по нему, нисколько не мѣшаетъ быть христіанамъ оригинальными въ своемъ ученіи и только однимъ трактовать соотвѣтственно этимъ величайшимъ истинамъ. Ибо философы, которые такъ краснорѣчиво говорили о высочайшемъ благѣ, спускаются въ Пирей, чтобы поклониться Діанѣ, какъ божеству, и принимать участіе въ празднествѣ, которое въ честь ея совершалось неразумною толпою. Послѣ того, какъ они говорили о душѣ и счастьи, которымъ добродѣтель награждается, —они забываютъ открыть богамъ великія истины, унижаются до жалкой мысли и приносятъ въ жертву Эскулапу пѣтуха. Если точнѣе изслѣдовать прекрасныя мысли,

которыя платонизмъ находитъ аналогичными съ св. писаніемъ христіанъ, то скоро откроется, что за нѣсколько столѣтій прежде философіи Платона, они были высказаны пророками, тогда какъ пророковъ и Апостоловъ нельзя обвинять, въ томъ будтобы они нашли эти драгоценныя перлы въ Греціи (VI, 749—750). Притомъ эти великія мысли смѣшаны были съ жалкими заблужденіями въ самыхъ сочиненіяхъ божественнаго Платона и во всякомъ случаѣ они не совершенны и высказаны въ темныхъ выраженіяхъ которыя вредятъ ихъ истинной красотѣ. На благородномъ языкѣ, говоритъ самъ Платонъ, никогда еще поэтъ не воспѣлъ достойнымъ образомъ верховное благо, которое на небѣ, и никогда достойно не воспоетъ» (VI, 753).

(Продолженіе будетъ).

ОТЪ СОВѢТА ВОРОНЕЖСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА.

(Повторяется).

Совѣтомъ признано необходимымъ оповѣстить духовенство епархіи, а) чтобъ родители не пріѣзжали за воспитанницами на вакаціи зимнія и лѣтнія, равно на Пасху *не своевременно*, а наблюдали бы для того слѣд. дни: 22-е Декабря, Лазареву субботу и 1-е Іюля; б) чтобы взносы за содержаніе воспитанницъ присылали непременно при рапортахъ, не вписывая въ оныя никакихъ другихъ денегъ (напр. за необязат. предметы); в) чтобъ о полученіи денегъ не требовали письменныхъ увѣдомленій, удостовѣряясь въ томъ чрезъ частныя справки и г) чтобъ крайнимъ срокомъ подачи прошеній о приѣмѣ дѣтей считали 1-е Іюля.

Сверхъ сего Совѣтъ училища считаетъ нужнымъ прояснить для родителей и напомнить имъ — что а) дѣти поступающія въ 1-й классъ училища должны быть не менѣе 9-ти лѣтняго возраста и обязаны умѣть ис-

правно и съ понятіемъ читать по русски, читать, хотъ порядочно, по славянски, знать наизусть общеупотребительныя молитвы съ разумніемъ славянскихъ выраженій, именно: Царю Небесный, Трисвятое, Отче нашъ, Богородице Дѣво., Достойно есть; Символь вѣры; Десять заповѣдей, по одной утр. и вечер. молитвѣ; предъ и послѣ обѣда, предъ и послѣ ученія. Счетъ до 100, и изображеніе цифръ.

б) Дѣвицы, предположенныя къ принятію въ училище, поступають въ 1-й классъ отъ 9-ти до 11-ти лѣтъ, во 2-й— отъ 10-ти до 12-ти л., въ 3-й—отъ 11-ти до 13-ти л., въ 4-й—отъ 12-ти до 14-ти л., въ 5-й—отъ 13-ти до 15-ти л., и въ 6-й—отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ. Онѣ должны являться въ училище для сдачи экзамена.

в) Неявившіяся до 15-го сент. и не заявившія письменно о причинѣ ихъ неявки, теряють право на ступленіе. Если же письменное заявленіе будетъ прислано въ училище своевременно, и причина неявки окажется уважительною, то дѣвочка можетъ быть представлена спустя два и даже три мѣсяца, если только по экзамену окажется въ состояніи идти въ уровень съ тѣмъ классомъ, въ который поступить; но уже въ декабрѣ мѣсяцѣ и далѣе ступленіе въ училище, ни подъ какимъ предлогомъ, недопускается; и дѣвочка можетъ поступить въ училище не ранѣе слѣдующаго учебнаго года.

г) Воспитанницы, отпускаемыя изъ училища въ дома родителей, или близкихъ родныхъ по болѣзни, впредь до выздоровленія, обязаны по прошествіи трехъ мѣсяцовъ дать извѣстіе о состояніи ихъ здоровья, если же и къ началу слѣдующаго учебнаго года здоровье ихъ не возстановится, таковыя исключаются изъ списковъ новаго учебнаго года. Если за воспитаницъ своекошт-

ныхъ, находящихся въ таковыхъ отпускахъ, родители, или кто дѣлаетъ за нихъ взносъ, тяготея не прерывать такого взноса въ училище; то желательно, чтобъ они недожидаясь истеченія года, подавали прошенія въ Совѣтъ объ окончательномъ увольненіи воспитанницъ изъ училища.

д) Взносъ за своекоштныхъ воспитанницъ представляется за каждое полугодіе впередъ, именно въ сентябрѣ и въ январѣ. За воспитанницъ Воронежской епархіи платится по 65 р. въ годъ, за иноепархіальныхъ по 90 р., за дѣвицъ другихъ сословій—не духовныхъ—по 100 р. Учебники покупаются на счетъ родителей. Сверхъ того въ первый годъ поступленія въ училище взносится за поступающую добавочная плата—15 р. на первоначальное кроватное обзаведеніе. По предметамъ необязательнымъ платится: за французскій языкъ 15 р. въ годъ, за музыкальные уроки 20 р.

е) При приѣмѣ дѣвочки въ училище слѣдуетъ представить 3 сорочки, 3 п. чулокъ лѣтнихъ, 1 или 2 зимнихъ и 3 носовыхъ платочка. Все прочее—платье, шейные и головные платочки, бурнусы и другія вещи—возвращаются родителямъ послѣ экипировки воспитанницы отъ училища. Когда же воспитанница идетъ въ отпускъ изъ училища, или уѣзжаетъ домой на вакацію, то обязана имѣть свое платье.

ж) Дѣвочки, привыкшія пить чай ежедневно, утромъ и вечеромъ, взносятъ за учебный годъ 5 р. Воспитанницамъ дается отъ училища чай по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, въ занятые же дни они получаютъ горячій завтракъ.

з) Для посѣщенія воспитанницъ родными въ зданіи училища назначаются воскресные и праздничные дни—

отъ 3-хъ до 5-ти часовъ по полудни. Приѣзжіе же, не имѣя иногда возможности оставаться до воскреснаго дня, могутъ приходить и въ другіе дни, съ 2-хъ час. по полудни. Для избѣжанія затрудненія отъ многочисленныхъ посѣтителей, просятъ приходить для свиданія только самыхъ близкихъ родныхъ. Желательно также, чтобы въ занятые дни не отпрашивали воспитанницъ въ отпускъ, чрезъ что отрываются отъ дѣла, не только отпрашиваемыя, но и другія воспитанницы, потому что верхнюю одежду, обувь и другія потребныя для выходящихъ вещи, должны выдавать воспитанницы, завѣдывающія этими предметами; приходится отмыкать и дортуары, которые, по установленному порядку въ училищѣ, должны оставаться запертыми до самаго отхода воспитанницъ ко сну. Посѣтители не должны оставаться для свиданія дѣлье положеннаго часа. — Верхнюю одежду и калоши должны оставлять у швейцара.

Наконецъ, Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство епархіи, что оттиски училищной программы какъ и настоящихъ правилъ отпечатаны редакціею Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ собственно для раздачи и высылки желающимъ съ платою по 5-ти коп. за экземпляръ въ пользу училища, каковыя оттиски во всякое время можно получать въ училищѣ.

С П И С О К Ъ

дочерей духовенства Воронежской Епархіи по прошеніямъ предположенныхъ, къ принятію въ Воронеж. Епарх. Жен. училище въ наступающемъ 187¹/₂ уч. году, своенштными.

1) Авсенева Александра, дочь свящ. Василя Авсенева, Богучар. у. слоб. Новой Мѣловатки.

2) Баженева Александра, дочь священника Иоанна слободы Песковской Пав. у.

3) Богомолова Софія, дочь священника Иоанна села Большой Усмани Вор. у.

4) Высоцкая Анна, дочь священника Николая слободы Старой Калитвы Остр. у.

5) Дубянская Ольга, дочь діакона Алексѣя той же слоб.

6) Карпова Марія, дочь священника Стефана слоб. Ольховатки Остр. у.

7) Кирѣева Софія, дочь священника Иоанна села Шестакова Пав. у.

8) Казьмина Марія, дочь священника Андрея того же села.

9) Кошелева Анфія, дочь умершаго священника Василия слоб. Уравовой Валуйскаго уѣзда.

10) Лебединская Лидія, дочь священника Василия села Козловки Бобр. у.

11) Лукина Раиса, дочь священника Федора сл. Иржевскаго Остр. у.

12) Львова Ольга, дочь священника Алексѣя слоб. Калача Богучар. у.

13) Мякишева Любовь, дочь діакона Воронежской Семинарской церкви.

14) Попова Варвара, дочь священника села Сухих Гаевъ Василия.

15) Попова Елена, дочь священника Іоны слоб. Сериковой Бобровскаго уѣзда.

16) Попова Елена, дочь священника Петра, села Старой Кирсановки Новохопер. у.

17) Поповская Марія, дочь священника Иоанна слоб. Новой Калитвы Острогож. у.

18) Прозоровская Анна, дочь священника села Старой Гишанки Бобровскаго у.

- 19) Ремезова Θεοφανія, дочь свящ. села Мазурки Новох. у.
- 20) Сабынина Юлія, дочь свящ. села Сцѣпнаго Земл. у.
- 21) Смирнская Марія, дочь свящ. села Мечетки Бобр. у. Михаила.
- 22) Смѣльская Пелагея, дочь свящ. Іоанна слободы Твердохлѣбовой Богучар. у.
- 23) Снѣсарева Анна, дочь свящ. Іпатія слоб. Селивановой Воронеж. у.
- 24) Соболева Марія, дочь свящ. Іоанна слоб. Знаменки Валуйскаго уѣзда.
- 25) Турбина Марія, дочь свящ. Василія слоб. Лознинской Остр. у.
- 26) Устиновская Ольга, дочь свящ. Іосифа слободы Владиміровки Острогж. у.
- 27) Чулкова Юлія, дочь свящ. Іакова села Боршева Борот. у.
- 28) Зинаида Θεдотова, дочь свящ. Θεодора села Михайловки Бобровск. у.
- 29) Голубятникова Анна, дочь свящ. Николая г. Воронежа Каѳедральн. Собора.
- 30) Саввина Пелагія, дочь чиновника Ворон. Кол. Ивана Саввина.
- 31) Троицкая Марія, дочь чиновника Консисторіи, Кол. Секр. Θεодора Троицкаго.

Приходными.

Во 2 классъ

(если сдадутъ экз.) — съ помѣщеніемъ въ училище.

- 1) Александрова Александра, дочь діакона Алексія слоб. Сончиной Острогж. у.
- 2) Алексѣвская Еликонида, дочь свящ. Михаила села Роговатаго Нижнедѣвицакаго уѣзда.

3) Антонова Надежда, дочь свящ. Іоанна села Губарей Новохоцер. у.

4) Иванова Анна, дочь свящ. Іпатія слоб. Больше-Фощеватой Острогож. у.

5) Орловская Таисія, дочь свящ. села Турова Нижнедѣвиц. у. Василя.

6) Путилина Людмила, дочь свящ. Павла слободы Новотроицкой Валуйск. у.

7) Сергіева Александра, дочь свящ. В. силія слоб. Колбиной Корот. у.

Въ 3 классъ (по экз.).

1) Прохорова Анна, дочь свящ. Симеона слоб. Терновки Острогож. у.

2) Ясеновская Софія, дочь свящ. Евѣимія слободы Колодяжной Острогожскаго уѣзда.

Въ 6 классъ (по экз.).

1) Соболева Елена, бывшая уже воспитанницей сего училища до перехода въ 5 классъ.

Предположенныя къ принятію казеннокоштными.

а) По круглому сиротству.

1) Авсенева Варвара, дочь умершаго діакона Василя г. Бирюча Вознесенской церкви.

2) Попова Татіана, дочь умершаго діакона Петра села Рождественской Хавы Воронежскаго уѣзда.

3) Путилина Дарья, дочь умершаго діакона Феодора слободы Двулучной Валуйскаго уѣзда.

б) *Без жребія по многосемейности матерей:*

1) Попова Любовь, дочь умершаго свящ. Прокопія слоб. Поповки Острогожскаго уѣзда.

2) Яблонецкая Евдокія, дочь умершаго причетника Гавріила слоб. Веселой Бирюченскаго уѣзда.

в) *По жребію:*

1) Баженова Елена, дочь умершаго свящ. слоб. Старой Калитвы Острогожскаго уѣзда, Павла.

2) Емельянова Ольга, дочь умершаго свящ. Николая слободы Веселой Бирюченскаго уѣзда.

3) Поликарпова Александра, дочь умершаго свящ. Михаила села Рыкани Воронежскаго уѣзда.

4) Попова Евдокія, дочь умершаго причетника Павла слободы Ольховатки Острогожскаго уѣзда.

5) Воскресенская Хіонія, дочь умершаго діакона Іоанна Землянскаго уѣзда села Малой Верейки, съ обязательствомъ матери взнести за 1-й годъ положенную плату.

6) Холодовичъ Евдокія, дочь безмѣснаго діакона Михаила, съ обязательствомъ матери взнести за 1 годъ по положенную плату.

Перечисляются изъ своекоштныхъ въ казеннокоштные по причинѣ осиротѣнія.

1) Лебедянская Марія, дочь умершаго свящ. Гавріила села Бутырокъ Задонскаго уѣзда.

2) Раевская Анна, дочь умершаго свящ. слободы Донецкой Богучарскаго уѣзда.

3) Руднева Анисія, дочь умершаго священника Александра.

4) Флавіанова Варвара, дочь умершаго свѣщ. Димитрія слоб. Придачи Воронежскаго уѣзда.

Итого вновь принимаемыхъ 52.

Примѣч.: 1) Священники — Стефанъ Карповъ и Димитрій Прозоровскій извѣщаются, что по множеству просителей и недостаточному помѣщенію, приняты въ училище по одной дочери ихъ.

2) По тѣмъ же причинамъ остались безъ удовлетворенія просьбы всѣхъ лицъ какъ свѣтскихъ, такъ и иноепархіальныхъ духовныхъ, просившихъ о принятіи ихъ дѣтей въ училище.

Редакторы: { Прот. **Ө. Никоновъ.**
Свѣщ. **І. Адамовъ**

печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свѣщ. **Ш. Палицынъ.**
Августа 14-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи **Н. Д. Гольдштейнъ.**